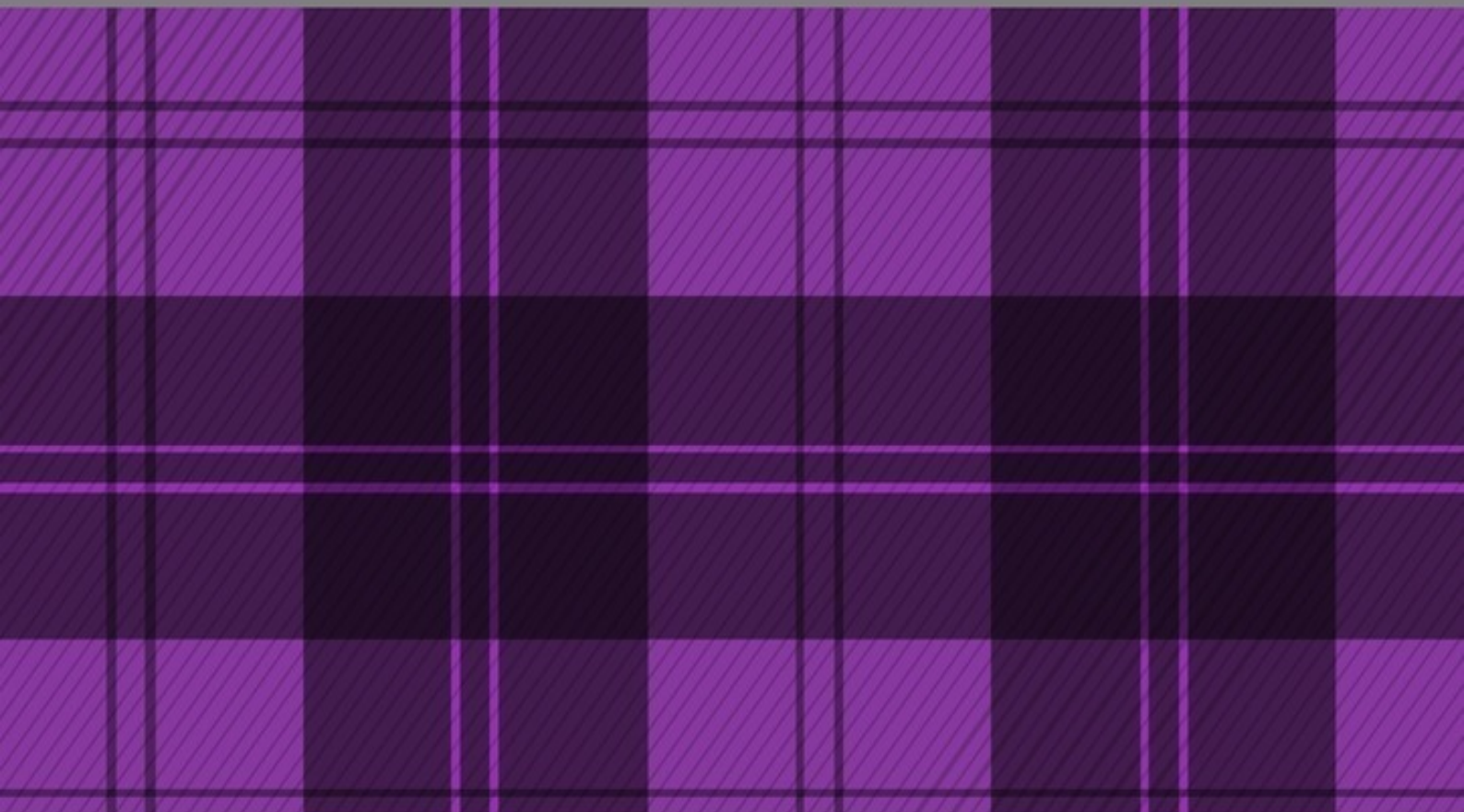

Виталий Иванович Глухов

ОТ ОЛИГАРХИИ К ДЕМОКРАТИИ

Книга I. Монопольное государство

Виталий Глухов

**От олигархии к демократии.
Книга I. Монопольное государство**

«Издательские решения»

Глухов В. И.

От олигархии к демократии. Книга I. Монопольное государство /
В. И. Глухов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830672-3

Первая часть, данной книги, была написана в 1990 году.
В период всенарастающего народного протеста против узурпирующей
власть партийно-хозяйственной номенклатуры. В период экономического
и политического кризиса системы с всеохватывающей государственной
собственностью. Это время кануло в историю и, вроде бы, можно было
не вытаскивать данную работу на суд читателей. Но, как показывают события
последнего времени, мы еще не разделились со своей историей.

ISBN 978-5-44-830672-3

© Глухов В. И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	43

От олигархии к демократии
Книга I. Монопольное государство
Виталий Иванович Глухов

© Виталий Иванович Глухов, 2016

ISBN 978-5-4483-0672-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Предлагаемая читателю книга состоит из двух частей разделенных пятнадцатилетним перерывом, но эти части являются неразрывным целым, как неразрывной является история нашей страны. Часть включенных в книгу статей, как «Переходный период», «Экономический цикл» и другие статьи, читатели уже имели возможность просмотреть, и сегодня я предоставляю возможность ознакомиться с самой первой частью книги – это «Монопольное государство». Я посчитал необходимым включить первую часть в данную книгу, так как сегодня появилось много любителей, склонных к идеализации нашего прошлого, к подмене реальной истории – вымышленной. Им так хочется. Это их выбор. Но в этом и состоит угроза, особенно для молодого поколения, не жившего в государстве с монопольным капиталом, ошибиться, в выборе гражданской позиции. Тем более это важно в периоды переломов, когда происходит смена всех прежних представлений, а ошибочное понимание истории не позволяет объективно оценивать действительность и делать правильные выводы. Общество, во всем своем многообразии, есть постоянно изменяющийся организм, а не определенная застывшая форма. Поэтому анализ отношений, существовавших при всеохватывающей государственной собственности, очень важен, для понимания всех последующих преобразований.

Первая часть, данной книги, была написана в 1990 году. В период все нарастающего народного протеста против узурпирующей власть партийно-хозяйственной номенклатуры. В период экономического и политического кризиса системы с всеохватывающей государственной собственностью. Это время кануло в историю и, вроде бы, можно было не вытаскивать данную работу на суд читателей. Но, как показывают события последнего времени, связанные с празднованием дня Октябрьской революции, мы еще не разделились со своей историей. Выступление коммунистов и попытка власть имущих стереть из памяти народной это историческое событие, говорит о том, что накал противостояния в обществе не ослабевает. Что противостоящие силы склонны по-разному, толковать историю. А это значит, что все акценты по поводу Октябрьской революции еще не расставлены, что окончательно вопрос не решен. И поэтому моя попытка, еще раз взглянуть на те исторические события, ставшие определяющим моментом всей последующей истории России, и не только России, надеюсь, поможет читателям иметь более полное представление о них.

Вторая часть данной брошюры включает в себя анализ переходного периода от всеохватывающей государственной собственности к монополистической, понимание экономического цикла и оценку ноябрьских событий 2004 года, отраженных в средствах массовой информации.

Сегодня многие начинают понимать, что те преобразования, которые были проведены в стране, проводились не в интересах большинства населения, а в целях обогащения высшего слоя бюрократии. Но тогда страна только начинала освобождаться от тирании государственных чиновников, как совокупных собственников всех средств производства, и не были еще изжиты иллюзии всеобщности. Полнейшее отсутствие независимых общественных организаций и контроль над средствами массовой информации, позволяла чиновничеству проводить выгодные для себя реформы. Позволил невиданно обогатиться за счет государственной собственности.

Сегодня мы видим другое общество. Общество, в котором поляризовались и начинают определяться интересы различных классов и групп. С одной стороны кучка сверх богатых олигархов и прислуживающая им бюрократия, а с другой – огромная масса нищих пролетариев. Это противостояние приобретает все более выраженный характер и грозит взорвать общество. Представители среднего и мелкого бизнеса, находятся в роли сирот. Они расколоты, находятся

под жесточайшим чиновничьим прессом, и не могут отстаивать и защищать свои интересы. Они боятся объединяться с пролетариями, хотя, на сегодняшний день, это единственный способ сбросить с себя ярмо олигархического правления. Их запугали диктатурой пролетариата и огосударствлением. Вообще стремление создавать страшилища, общую суть которых можно выразить в двух словах: «мы добрые дяди и заботимся о вас, но могут прийти злые и всех вас съедят», и пугать ими народ, характерная особенность существующей власти.

В предлагаемой вам книге поставлен самый важный, в понимании современной истории России, вопрос – вопрос о государстве. Если до недавнего прошлого к вопросу о государственном строительстве подходили догматически и толкованием государственного устройства имели права заниматься только государственные идеологи, то сегодня о государственном устройстве можно говорить как о мертвеце. Это происходит по тому, что, ставя вопрос о государстве, мы неизбежно приходим к вопросу о власти, что абсолютно не интересно тем, кто сегодня правит бал в России.

Все последние преобразования в государственном устройстве показывают, что реакция наступает. Представители крупного капитала пытаются законсервировать общественное развитие и сохранить свою власть над обществом. Только это им не удастся. Общественное развитие не остановить, а олигархам не удержать власть. Смена власти это вопрос времени. Но он то и является самым важным, так как это время нашей жизни.

*Екатеринбург
8 ноября 2005 года.*

Глава 1

Монопольное государство

*«Свободой Рим возрос
а рабством погублен».*

А. С. Пушкин.

1

В настоящее время ясно прослеживается рост политической активности масс и в особенности рабочего класса. От безразличия и апатии к политической деятельности, от пассивного признания проводимой правительством политики, рабочие переходят к активному участию во всех сферах общественной жизни. Это обстоятельство не может не радовать тех, кому не безразлично положение наемных работников и направление дальнейшего движения всего общества. Оно дает надежду, что в ближайшее время пролетарии возьмутся за преобразование сложившихся общественных отношений. Им надоело быть бессловесной толпой, от имени которой протаскиваются различные авантюристические программы, обогащающие отдельные группы людей при власти, и только ухудшающие их положение. Рабочие устали жить в будущем раю и «удовлетворять» сегодняшние потребности благами из будущего.

Оракулы же нового рая, неустанно проповедующие наступление всеобщего благоденствия, скатились в область пустых абстракций и мистики. И чем больше возникает трудностей в реальной действительности, тем настойчивее звучит проповедь. Но время детской наивности прошло, иллюзии изжиты, по отношению к правительству и его наемным идеологам. Никого уже не удовлетворяет догматизм и схоластика официальной идеологии. Рабочие хотят по-человечески жить и свободно трудиться сейчас, сегодня, и хотя, в настоящее время, они еще не организованны и не видят пути своего освобождения, только существующее положение их уже не устраивает.

Неизбежно возникает вопрос: почему же после стольких лет со времен Октябрьской революции, после многократных повторений, с высоких трибун, о том, что мы живем в лучшем из всех существующих государств, в самом передовом обществе. Что наши общественные отношения являются высшей степенью развития общества, и только надписи не хватает, на деловых бумагах, как это делалось в период правления римского императора Августа – мы видим золотой век, не доказали этого в практической жизни. И сколько бы не шумели государственные идеологи, пытаясь с помощью словесных ухищрений приукрасить существующую действительность, им никого не убедить, без данного аргумента. Но для них этих противоречий не существует. С ослиным упрямством они навязывают свою точку зрения, стремясь, все и всем пояснить, желая видеть полное единомыслие. Единомыслие, заключающееся не в единстве мнений, а в принятии навязанных, основанное не на индивидуальном сознании каждого, а на беспредельной вере проповедующему пророку, что, по существу, является объединением бессмысленных поклонников, но только не убежденных единомышленников. Человека заставляют верить на слово и лишают права иметь и высказывать самостоятельное мнение, а там, где нет веры, там господствует кнут. Только, если эти мастера общих и пустых фраз сомневаются в способности своих сограждан самим определять, где истина, то почему бы остальным, не усомниться в чистоте намерений, разглагольствующих проповедников нового рая.

Переходя от пропаганды нового рая к осуществлению, и при этом, желая видеть всеобщую поддержку своих идей, они и создали концентрационные лагеря. В этих «храмах» перевоспитания людей человека лишают истинно человеческих потребностей и превращают его в бездушного робота, в голую рабочую силу. Это и есть тот идеал, к которому стремится свести человека, данная власть. Человека лишают всего, принуждая его работать за самый необходимый минимум, и тем самым, превращают его в рабочую машину. В этих лагерях, гуманисты на словах, формируют людей по своему образу и подобию, тупых и бездушных исполнителей воли хозяина. Под лозунгом трудового перевоспитания, тяжелым отупляющим трудом, уродуются человеческие души.

Для тех же, кто находится вне лагерей, свобода заключается в выборе места и времени, где их, за чечевичную похлебку, используют в роли рабочей силы. Работать на благо партии и государства признается и пропагандируется как высшая добродетель человека.

Подчиняясь установленному процессу производства и не имея возможности изменить направление его развития, рабочие вынуждены выполнять однообразную отупляющую работу, которая губительно отражается на их развитии и здоровье. Изматывающий труд вызывает естественную реакцию живого организма – отвращение к труду. Но для тех, кто становится невосприимчив к государственной пропаганде, воздающей хвалу рабскому труду и славу рабочему классу, и существуют лагеря трудового перевоспитания, где от убеждения словом и косвенного принуждения, переходят к прямому насилию. «Трудом красен человек»; «Слава рабочему классу»; «В труде прекрасен человек»; «Труд должен стать первой необходимостью» – вот те расхожие лозунги, которыми пользуются государственные идеологи. Конечно же, сами попы новой религии, призывая рабочих трудиться на благо партии и государства, придерживаются другого мнения и больше заботятся о личном обогащении. Они говорят о почете и уважении человека труда, но сами не спешат стать таковыми. Они ставят, в пример молодежи, людей, которые всю свою сознательную жизнь проработали на производстве, а своих детей стараются уберечь от такой доли, пристраивая их на различные государственные и партийные должности. При этом они «скромно» умалчивают давно известную истину, что только свободный труд благотворно влияет на человека, а не труд по необходимости, и, конечно же, не труд по принуждению. Они совсем «забыли», называя себя продолжателями дела Октябрьской революции, что основной задачей, которую ставила Октябрьская революция, было экономическое освобождение труда, а не закрепление наемного рабства. Уж очень коротка, стала память у «продолжателей» дела Октября.

Рабочие нуждаются не в лести, на которую так щедры защитники существующих отношений, а в возможности самим определять направление своей жизнедеятельности, самим быть хозяевами производства, самим распоряжаться продуктами своего труда. Наверное, рабство заняло бы более продолжительный период, в истории развития человеческого общества, если бы рабовладельцы научились скрывать свое презрение к рабам, если бы постигли значение славы и овладели, в такой же мере, искусством лицемерия, на которое способны сегодняшние наши руководители государства и их идеологи.

Нет ничего удивительного, что в «новом раю» есть люди, которые не удовлетворены своим положением. А тот, кто не оглушен громом пустых фраз, господствующих во всех средствах массовой информации, прекрасно понимает, что не все так хорошо, как малюет черт.

Официальная же наука, находящаяся под гнетом государственной идеологии, не способна дать объективного анализа существующих общественных отношений. Обществоведы,

анализируя наше современное общество, постоянно уверяют, что они подходят к проблемам с общенародной, и даже с общечеловеческой позиции, и стоят выше классового подхода. Но в классовом обществе, каким и является наше общество, подход с общенародных позиций – есть мелкобуржуазный, и ни какой иной. В классовом обществе не существует общенародных партий, общенародных задач, общенародного государства, а так же и индивидуумов, стоящих выше классовых интересов. Хозяева монопольного капитала, то есть чиновничество и их идеологи, выставляют свои интересы как общенародные, желая сохранить существующие отношения, желая удержать рабочих в роли наемного раба, желая сохранить свои привилегии на распределение материальных богатств.

В защите существующих отношений, государственные идеологи, твердо стоят на ногах и имеют приличный вид до тех пор, пока высказывают понятия марксистско-ленинской теории, то есть известные вещи. Но как только они поворачиваются лицом к действительности, как только пускаются в дебри теоретизирования, без поддерживающих костылей, сфабрикованных из марксизма, то скрытые до того ослиные уши становятся явными. Они начинают путаться в элементарных понятиях и нести ахинею.

Для тех же, кто стоит на позициях материализма, ясны причины общественных коллизий. Корни их кроются в экономических отношениях, а не в психологии отдельного человека или группы людей, и менее всего в нравственности отдельной личности. Взывание к морали, праву, справедливости, новому мышлению не проясняет вопроса, а уводит в сторону от реальных проблем, от необходимости разрешения существующих противоречий. В обществе давно назрела острая необходимость в анализе существующих общественных отношений с позиции рабочего класса, с позиции независимой от государственного чиновника, конкретно и без какой-либо мистики. Эта потребность в материалистическом анализе возникла по причине обострения противоречий, между развивающимся обществом, развивающимися производительными силами и исторически сложившимися производственными отношениями. Обостренное внимание общества к данным проблемам есть симптом того, что производительные силы выросли из устоявшихся производственных отношений, которые превратились в оковы сдерживающие развития всего общества. Рубашка, сшитая после рождения, стала мала и мешает жизнедеятельности выросшего ребенка.

2

Отличительной особенностью России, в предреволюционный период, являлось наличие значительной доли государственной собственности на средства производства, а отсюда и огромное влияние чиновников на жизнь всего общества, и слабое развитие капиталистических отношений. Российская буржуазия находилась в большой зависимости от государственной власти. Царская власть имела в своем распоряжении послушный и стройно организованный государственный аппарат, который создавался веками, и был предназначен для защиты интересов государственной (феодальной) собственности и крупных помещиков. В начале XX в. создаются особые государственно-капиталистические органы – «Совещание по судостроительству», «Съезд по делам прямых сообщений» и другие, с помощью которых правительство, действуя в тесном контакте с представителями крупных монополий, регулировало производство. Через эти органы распределялись государственные заказы, предоставлялись льготы, денежные займы и т. д. Все большее значение в регулировании производства приобретает в это время и Государственный банк, оказывавший мощную финансовую поддержку тем монополистическим объединениям, в чьей деятельности было заинтересовано правительство, то есть государственный чиновник. Государство проводило политику поддержки крупных монополистических объединений, так как участвовало в них своими капиталами, и ограничивало разви-

тие независимых от государственного чиновника капиталов. Эта политика вызывала протест со стороны независимых капиталистов, что и явилось причиной поддержки ими, революционных движений.

К моменту революционных преобразований российская буржуазия была очень слаба и зависима от государственного чиновника. Она еще не выработала своей общей позиции, и не имела своей единой политической партии. Россия находилась на пороге буржуазной революции, которая смогла бы устранить пережитки прошлого, феодального, имперского правления, и которую, поддерживало и приветствовало большинство российских граждан.

Поэтому, для России, особенность формирования государства, в послереволюционный период, состояла в том, что буржуазия, не смогла удержать власть, и была устранена с политической арены. Крестьянство, являясь пассивным политическим элементом, исходя, из своей жизнедеятельности, не могло создать свой государственный механизм. Оно всегда было той благодатной почвой, на которой произрастают различные империи и монархии, так как не организованны и не могут выразить своего интереса на государственном уровне. Именно благодаря политической пассивности крестьян и свершился контрреволюционный переворот сверху, и возможны были репрессии, сначала по отношению к политической оппозиции, а в дальнейшем и по отношению ко всем неугодным. Уровень развития производства и рабочего класса не давал возможности рабочим создать свой государственный аппарат, выражающий их интересы. В формировании государства приняли участие не представители буржуазии или пролетариата, а интеллигенция, занимающая межклассовое положение. Занимая межклассовое положение, и не являясь носителем особого классового сознания, интеллигенция, чаще всего, находится в зависимости от отживших юридико-политическими учреждений и поэтому творит по определенному образу или подобию, а не формирует нового, исходя из своего внутреннего интереса. Она, чаще всего, выражает мелкобуржуазные взгляды, так как не находится в прямом противоречии с господствующим классом, и идеализирует существующие общественные отношения, хотя, незначительная ее часть, может перейти на позиции определенного класса, исходя из понимания его роли в развитии всего общества. Мелкобуржуазное сознание формируется при определенном положении индивидуума, когда по своему положению, а значит и сознанию, он находится позади передовых классов, когда его интерес, не является первостепенным в структуре общественных интересов. Отсюда его неустойчивость и непоследовательность в действии. Отсюда и преклонение перед господствующим классом.

В такой исторической ситуации, когда революционное движение рабочих, с примкнувшей мелкой буржуазией, устраняет крупную буржуазию как класс, но рабочий класс еще не поднялся до уровня обеспечивающего ему возможность взять власть и удерживать ее, то к власти приходят представители с мелкобуржуазными интересами. Эта победа мелкобуржуазных элементов влечет за собой неисчислимые беды для всего общества, различные перегибы и перекосы в общественном производстве, за которые, как правило, приходится расплачиваться обществу. И причиной тому – отрыв мелкобуржуазного сознания от общественной необходимости. Если рабочие, занимаясь общественно необходимым трудом, познают общественную необходимость через производство, то мелкие буржуа руководствуются, в своей деятельности, иллюзорными представлениями, фантазией, или интересами отдельных, не определяющих для общества, ассоциаций и групп.

Русская интеллигенция особенно отличалась своей мелкобуржуазностью, проявляющейся в революционном романтизме и радикализме. Особый тип интеллигента-революционера, ставящего интересы народа, как он их представлял, выше своих личных интересов,

общие – выше частных, а народ, в его представлении, выступал как абстракция, с которой возможно производить различные преобразования, длительный исторический период культивировался в России. В этом смысле интересны замечания С. Н. Булгакова по поводу русской интеллигенции: «Интеллигенция стала по отношению к русской истории и современности в позицию героического вызова и героической борьбы, опираясь при этом на свою самооценку. Героизм – вот то слово, которое выражает, по моему мнению, основную сущность интеллигентского мировоззрения и идеала, притом героизм самообожания». И далее: «Героический интеллигент не довольствуется, поэтому ролью скромного работника (даже если он и вынужден ею ограничиваться), его мечта – быть спасителем человечества или, по крайней мере, русского народа». «Вехи» стр. 41—43. Еще раньше В. И. Ленин, характеризуя народническое движение, отмечал: «Народники же всегда рассуждали о населении вообще и о трудящемся населении в частности, как об объекте тех или других более или менее разумных мероприятий, как о материале, подлежащим направлению на тот или иной путь, и никогда не смотрел на различные классы населения, как на самостоятельных исторических деятелей при данном пути, никогда не ставил вопроса о тех условиях данного пути, которые могут развивать (или, наоборот, парализовать) самостоятельную и сознательную деятельность этих творцов истории». «От какого наследства мы отказываемся». В. И. Ленин. Что характерно для Ленина, так это заявлять одно, а на практике делать как раз противоположное. Придя к власти, он, вместе с соратниками по партии, как раз и проделывал различные преобразования над обществом без учета исторически сложившихся интересов классов и групп, стремясь всеми способами сохранить власть. Или взять его утверждение, высказанное в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции»: «Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом, так и в политическом смысле, выводам». Вот только после взятия власти это утверждение, абсолютно верное, на мой взгляд, как-то забылось, видимо выветрилось, и начал Владимир Ильич, вместе с соратниками закручивать гайки и сворачивать всякую демократию, что и обернулось мрачной реакцией. И как бы не пытались большевики откреститься от обвинений в бланкизме, в действительности они оказались бланкистами, которых и критиковал, в свое время, Ф. Энгельс: «Из того, что Бланки представляет себе всякую революцию как переворот, произведенный небольшим революционным меньшинством, само собой вытекает необходимость диктатуры после успеха восстания, диктатуры, вполне понятно, не всего класса, пролетариата, а небольшого числа лиц, которые произвели переворот и которые сами, в свою очередь, уже заранее подчинены диктатуре одного или нескольких лиц». «Программа бланкистских эмигрантов коммуны».

Этот тип интеллигента-революционера, желающего привести народ к лучшему будущему, как оно ему виделось, в послереволюционный период переродился в государственного чиновника с такими же целями, и так же рассматривающего народ лишь как объект своей героической деятельности. Именно революционно настроенная интеллигенция, взявшись за налаживание хозяйственной жизни страны, при невозможности создания государства диктатуры пролетариата, воспроизвела старый государственный аппарат, подкрасив его в «красный» цвет. Стала вновь осуществляться старая порочная практика – назначение на должность. Ответственные должности превратились в собственность центрального руководства, что, в свою очередь, заставляет чиновничий аппарат действовать исходя из интересов вышестоящего руководства, а не в интересах местного населения. А для того, чтобы государственные чиновники были послушными исполнителями и держались за место, создается закрытая система обеспечения и обслуживания парт аппарата и хозяйственных служащих. Тем самым разрыв между интересами гражданского общества и государства оформился в определенную структуру. Вся дальнейшая история нашего общества тесно связана с развитием данного противоречия, между

государством, как монопольным собственником всех средств производства, и обществом, как наемными работниками данного государства.

Партия, провозглашавшая строительство государства по типу Парижской Коммуны, воссоздала принципы управления империи, централизованное управление из одного центра. Введение высоких должностных окладов и система привилегий способствовали процветанию карьеризма, чиновничества, взяточничества и других пороков данного государственного устройства, а так же игнорирование интересов непосредственных производителей. Нетерпимость государственного аппарата к чуждым ему интересам стала проявляться как революционная нетерпимость к классовому врагу. Желание административным путем решать все вопросы вело к быстрому росту числа государственных чиновников.

Еще одной особенностью формирования новых отношений является то, что революция в России свершилась не благодаря обострившемуся противоречию между трудом и капиталом, а благодаря сохраняющейся массе пережитков прошлого, феодального устройства. Революцию приветствовало и поддерживало большинство, которое, отнюдь, не было сторонником установления диктатуры пролетариата. В стране преобладал мелкий собственник. Незначительный уровень развития капитала, война и разруха способствовали молниеносности революционных превращений. От провозглашения буржуазной республики, с падением царского режима, и до прихода к власти партии большевиков, прошло меньше года. Политический опыт, накопленный в борьбе с царским режимом, и по военному принципу организованная партия, и позволили большевикам прийти к власти. Но рабочий класс, за интересы, которых выступали большевики, значительно уступал слоям с мелкобуржуазными интересами, а партия была незначительна. Естественно, что приход к власти большевиков, их стремление действовать решительно и бескомпромиссно, стремящихся двинуть революцию как можно дальше, спровоцировал начало гражданской войны, которая еще больше усугубила положение в стране. Промышленности был нанесен огромный урон, сельское хозяйство отсталое, значительная часть квалифицированных рабочих погибла на фронтах, часть рабочих, избегая голодной смерти, переселилась в деревню. В этих условиях строительство государства диктатуры пролетариата неизбежно приводило к диктатуре партии. Но могла ли партия большевиков, став руководящей в крестьянской стране, сохраняться как партия выражающая интересы рабочего класса? Ведь для этого, по крайней мере, необходим активный и многочисленный рабочий класс, который, в свою очередь может возникнуть, только при условии значительного развития крупного капитала. Но в России, на тот момент, не было, ни развитого капитала, и соответственно, многочисленного рабочего класса. В сложившихся обстоятельствах соблюдение одного из принципов строительства государства диктатуры пролетариата – выборность всех чиновников, автоматически обеспечивает главенствующий мелкобуржуазный, крестьянский интерес. Об этом открыто говорили и сами большевики. Это и послужило причиной разгона Учредительного собрания.

И партия большевиков, называющая себя авангардом рабочего класса, стремясь противостоять интересам мелкобуржуазных масс и желая всеми средствами удержать власть, неизбежно превратилась в партию тиранической власти, с демагогическими лозунгами. То, что партия большевиков сумела использовать минимальные шансы для установления своей диктатуры, говорит о политической гибкости руководства, и, в тоже время, о раздробленности интересов противостоящих им. Именно ради сохранения своей власти, партия большевиков, и устроила массовый террор.

Централизованная государственная машина, созданная для подавления буржуазии и реализации планов правящей партии, подготовила условия для контрреволюционного переворота сверху. Советы же, разбавленные множеством разрозненных мелкобуржуазных элементов, не могли противостоять силе централизованной государственной машины, узурпировавшей всю власть в своих руках и действующей как одно целое. Судьба всей страны, в огромной степени, стала зависеть от тех, кто укрепился во главе данной государственной машины. Созданные революцией Советы, как форма осуществления власти народом, в результате вышеуказанных превращений, утрачивает свою сущность, и сводятся до роли ширмы, прикрывающей диктатуру партии. Они остаются без реальной власти и реорганизируются из Советов организованных на производстве, в Советы организованные по территориальному принципу. Самоуправление на местах ограничивается до минимума. К тому же, Советы подвергаются чистке со стороны партийного аппарата. Революционные преобразования закончились, круг замкнулся, и общество вернулось к старому государственному устройству, с незначительными перестановками на вершине государственной пирамиды.

Теперь централизованная государственная машина, во главе с партией, присвоила себе право на организацию, на средства труда, на продукты труда, на культуру, на науку и идеологию, поставив неисчислимые преграды на пути развития всего общества. В результате этих преобразований непосредственные производители лишились возможности оказывать воздействие на проводимую политику и участия в управлении государством. Партийно-бюрократический аппарат взял верх и полностью подчинил себе все общество. Но при этом он сохранил Советы, чтобы они существовали в роли фигового листочка и не давали возможности появляться другим формам добровольных ассоциаций трудящихся.

Соответствующее превращение претерпевают и все другие органы власти. Суды, из народных, превращаются в суды над народом, милиция – для народа, тюрьмы и лагеря – для народа. Профсоюзы, из органа защиты интересов работающих, превращаются в орган, способствующий еще большей эксплуатации работающих, в интересах государства. Они становятся еще одним органом, в руках администрации предприятий, для выжимания пота из наемных работников.

Не могли не видеть, что было создано в стране под руководством партии, и руководители самой партии. Ведь они исходили из благих пожеланий и стремились, по крайней мере, в своем воображении получить совсем иной результат, чем безграничная власть государственного чиновника. Уже в 1923 году В. И. Ленин, в работе «О кооперации», отмечал как одну из основных задач – задачу переделки государственного аппарата, который: «... ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи...». В своем выступлении на X!! съезде партии Ленин еще более решительно выступил за преобразование государственного аппарата: «...вопрос о нашем госаппарате и его улучшении представляется очень трудным, далеко не решенным и в то же время чрезвычайно насущным вопросом».

Наш госаппарат, за исключением Наркоминдела, в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям. Он только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого госаппарата». Понимая, что воссозданный в еще более широком масштабе, благодаря революции, государственный аппарат, является основным препятствием, на пути революционных преобразований, на пути народовластия, Ленин и предложил идею создания Рабкрина, который, на первых порах осуществлял бы контроль над деятельностью государственного аппарата, а в дальнейшем, с ростом рабочего класса, с ростом

его сплоченности и организованности, заменил бы его. Но мог ли реальный ход истории изменить свое направление исходя из пожеланий отдельного человека, даже облеченного властью? Мог ли, в тех условиях, сформироваться государственный аппарат иного качества? Дальнейший ход развития государства показал, что нет. И мы имеем то, что имеем.

Со временем, централизованный государственный аппарат, не встречая активного сопротивления со стороны гражданского общества, подчинил все своим интересам, а Рабкрин устранил вообще, как лишнее звено. Все попытки Ленина избежать такого развития событий оказались тщетными. При этом захват государством всех свободных общественных ассоциаций проводился под лозунгом строительства социализма, а что такое социализм может «знать» только государственный чиновник, и все, кто в этом сомневался, мог убедиться, пройдя через государственную судебную машину и трудовые исправительные лагеря.

Устранив или преобразовав все независимые от государственного аппарата организации, он стал бесконтрольным и не управляемым со стороны непосредственных производителей. Теперь для государства появилась возможность открыть свое лицо и дать волю своим хищным интересам. Теперь можно беспощадно эксплуатировать трудящихся от имени самих трудящихся. Вынужденный отход партии от основных принципов строительства государства диктатуры пролетариата открыл широкую дорогу для развития государства с всеохватывающей государственной собственностью.

Партия, стремясь усилить свое влияние в стране и сохранить власть, стала привлекать новых членов в свои ряды, что, в свою очередь, привело к усилению мелкобуржуазного влияния в ней. Ленин, стремясь избежать перерождения партии, старался отстоять позицию ограниченного приема в партию. Поводом для писем послужили тезисы Г. Е. Зиновьева, в которых он предлагал облегчить прием в партию. Вот что он писал 26 марта 1922 года В. М. Молотову: «Несомненно, что у нас постоянно считаются за рабочих такие лица, которые ни малейшей серьезной школы, в смысле крупной промышленности, не прошли. Сплошь и рядом в категорию рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих». (В. И. Ленин П. С. С. т.45 с.18.) И если Ленин считал, что 300 – 400 тысяч членов партии это уже «чрезмерно» много, ибо решительно все данные указывают на недостаточно подготовленный уровень теперешних членов партии, то какой уровень был у тех 600 тыс. вновь вступивших за 1925 год.

Следующий шаг, который предприняло партийное руководство для упрочнения своего положения, состоял в овладении государством. Подчинение государства воли партийного аппарата происходит через назначение партийных работников на ответственные государственные посты. В результате этого продвижение в иерархии государственной власти стало зависеть от партийности. Происходит процесс слияния партийного аппарата, перерождающейся партии, с централизованной государственной машиной. Все это способствовало тому, что в партию широким потоком двинулись карьеристы, что, в конечном итоге, губительно для любой партии стремящейся быть политическим лидером.

Государственный аппарат, в лице партии, нашел своего покровителя, а партия, в лице данного государства – своего исполнителя. Государственный аппарат сделал правильный выбор, для своего спасения, получив так необходимую ему политическую защиту. Партия же поставила на исторически проигрышную карту, слившись с мелкобуржуазным государством и оторвавшись от интересов рабочих и крестьян. Ведь там, где начинается действительная жизнь, государственные чиновники бессильны, что-либо сделать. Они могут изымать, пере-

распределять, запрещать, ограничивать и т. д. но не могут ничего создать. И как результат измены партии интересам непосредственных производителей, в угоду централизованной государственной бюрократии, мы имеем глубокий экономический и политический кризис.

Монопольное государство, преследуя свои интересы, под прикрытием всеобщности, начинает творить черные дела. Все средства производства переходят в государственную собственность. Общество раскалывается на два противостоящих класса – на представителей государства, как совокупных собственников, и на наемных работников, как наемных рабов этого государства. Теперь, для непосредственных производителей, путь к освобождению лег через труп этого государства.

Все радикальные элементы, увидевшие опасность, для всего общества, в таком перевороте, не могли противостоять чиновничьему разгулу и административному восторгу, из-за своей малочисленности и разобщенности, к тому же сами участвовали в создании этой все пожирающей машины. Многие революционные деятели, сыгравшие не малую роль в свершившейся революции, стали жертвами своих заблуждений. Но именно они были теми первыми идеологами, которые стояли у истоков возникновения данного государства, с всеохватывающей государственной собственностью. Тем более что видные партийные работники, а среди них и такие как Троцкий, Бухарин, Каменев, настаивали на введении принудительного труда, выставляя русского крестьянина и рабочего, как ленивого работника, не способного к интенсивному труду и инициативе, то есть, предлагали строить новое общество на принуждении и насилии, путем создания трудовых армий. Но для этих целей ни в коей мере не подходили Советы, как организованная снизу власть трудящихся. Не могли же трудящиеся сами себя принуждать. Поэтому партия, в своей деятельности делает упор не на интересы рабочих и крестьян, не на развитие самоуправления через Советы, а на воссозданный, в основных своих чертах, старый государственный аппарат. Для централизованной же государственной машины было выгодно представлять наемного работника ленивым бездельником, которого необходимо силой привести к «лучшему» будущему, а поэтому никакого самоуправления, только жестокое управление сверху. Но что это за лучшее будущее, куда загоняют кнутом – мы видим. Тем более что от принудительного труда не возможно перейти к свободному, пока сами непосредственные производители, то есть те, кого принуждают, не свергнут аппарат насилия. Орган угнетения не может стать органом освобождения.

Вполне естественно, что государственный аппарат, укрепившись и подчинив себе гражданское общество, не мог спокойно существовать рядом со своими создателями. Ведь те, кто создал его, может так же и разрушить. Поэтому, дабы спасти себя, «дитя» и пожирает своих «родителей».

3

Из положения рабочих видно, что до сих пор борьба рабочего класса, за свое освобождение не увенчалась успехом. Именно этот факт эксплуатирующие классы и их идеологи выдвигают как доказательство того, что рабочий класс вообще не способен добиться своего освобождения. Защитники сходящих с исторической арены отношений всегда представляли данное положение вещей как аргумент в их защиту, и провозглашали их вечными. Но только то, что наемные работники не добились свободы сегодня, совсем не означает, что они не сделают этого завтра.

В тех случаях, когда пролетариат, своими революционными действиями, добивался значительных успехов в улучшении своего положения, он еще был не достаточно силен и органи-

зован, чтобы закрепить это достижение. В России же революция произошла в условиях, когда капиталистический способ производства был недостаточно развит, преобладало мелкотоварное производство. Низкий уровень обобществления производства не создавал условий для перехода к непосредственно общественному производству. Еще только часть продуктов труда и некоторые формы деятельности принимают товарную форму. Меновая стоимость не стала еще господствующей в общественных отношениях, наряду с личной зависимостью. Поэтому переход от неразвитого товарного производства, при данном уровне развития производительных сил, к непосредственно общественному производству, не мог не повлечь за собой замену личной независимости, на основе меновой стоимости, на личную зависимость одних от других.

Возможность такого хода событий и предполагал Ф. Энгельс, в письме к Вейдемейеру: «Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена, будет стать у власти, чтобы, в конце концов, проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, надо надеяться, только в физическом смысле, – наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже. Трудно представить себе другую перспективу».

4

Становление монопольного государства ознаменовало наступление не лучших времен для рабочего класса, так как он попал под пяту еще более беспощадного – монопольного капитала. Все свойства капитала, как орудия эксплуатации, в данных условиях, сохраняются, и даже усиливаются, благодаря прямому выражению его интереса через политическую власть. Овеществленный труд продолжает господствовать над живым, но уже в виде господства государства над наемными работниками. Здесь государство выступает, по отношению к наемным работникам, как всеобщий капиталист, как хозяин и распорядитель всего общественного богатства. Наемный работник же, не имеющий ничего, кроме своей способности к труду, вынужден продавать себя за гроши, которых едва хватает на самое необходимое. При этом государство не только вынуждает рабочего продавать себя, но и, от имени общества, насильственно привлекает к рабскому труду.

Государство, как монопольный собственник на средства производства, и наемные работники, как собственники своей рабочей силы, взаимно предполагают друг друга. Наемным работникам необходимы жизненные средства, находящиеся в собственности государства, а государству необходим живой труд, так как накопленное в руках государства богатства, в каких бы суммах оно не исчислялось, мертво без оживляющего живого труда. Только в горниле живого труда капитал обретает душу, выходя из него еще более могущественным. Но, выйдя из одного процесса воспроизводства, капитал с еще большей жадностью набрасывается на рабочую силу, чтобы снова включиться в процесс производства, но уже в расширенном виде. Монопольный капитал живет, растет, господствует и, в лице своих представителей строит планы, и жизненно важным продуктом его существования является жизнь рабочих. Он превращается во всепожирающую машину, забирающую все здоровые силы общества, а государственные жрецы обеспечивают его необходимой пищей – наемными рабочими. Но, прежде

чем бросить рабочего в перемалывающие жернова монопольного капитала, государственные идеологи основательно забьют ему голову об отсутствии в нашем «самом гуманном» обществе эксплуатации человека человеком, что-то на вроде анестезии, чтобы больно не было. Государственные чиновники и их идеологи упорно муссируют миф о преодолении, в нашем социалистическом обществе, эксплуатации человека человеком, при этом, не выходя за пределы голого отрицания. Этот миф, проникая в сознание граждан, обрастает сопутствующей ему ложью: о единстве интересов всего общества, о равенстве всех членов общества, о социальной защищенности, о том, что прибыль возникает из хозяйственной деятельности предприятий, а не часть труда рабочего, отнятая у него без обмена, и так далее. Марксисты на словах, называющие себя коммунистами, на деле стали защитниками системы жесточайшей эксплуатации наемного работника. А из теории марксизма выхолостили революционную сущность, превратив марксизм в удобную для власти идеологию, и сказочку для народа.

Для понимания сущности эксплуатации необходимо исходить из того, на сколько все трудоспособные члены общества участвуют в общественно необходимом труде, и насколько непосредственные производители являются хозяевами продуктов своего труда.

Чтобы сохранить свое физическое существование люди, прежде всего, должны иметь продукты питания, одежду и жилье, и только, удовлетворение, жизненно, необходимых, потребностей позволяет заниматься духовным производством. Поэтому любой вид деятельности, в отличие от труда затрачиваемого на производство жизненно необходимых средств – есть свободное время всего общества, которое присваивают себе эксплуататорские классы. Лишение, непосредственного производителя, свободного времени – есть лишение возможности человеческого развития, так как именно свободное время является необходимым условием для развития человека. Для монопольного же капитала, лишение непосредственного производителя, нормальных условий жизни и свободного времени, к тому же, является средством к еще большей эксплуатации.

Все эксплуататорские общества имеют своим базисом классы производящие жизненно необходимые блага, и надстройку «класс, освобожденный от производительного труда и ведающий такими общими делами, как управление трудом, правосудия, наука, искусство и так далее, превращающий это руководство обществом в эксплуатацию масс». (К. Маркс Ф. Энгельс П. С. С. изд.2 т.20 стр. 293.) Условия существования всей надстройки создаются за счет прибавочного труда рабочих, то есть, то время производства, которое находится за пределами необходимого рабочего времени. Эксплуатация осуществляется благодаря данной форме государственной собственности, которая и дает возможность государственным чиновникам присваивать продукты чужого труда. И суть не в том, сколько присвоил себе тот или иной эксплуататор лично, а в том – сколько отнято у рабочего. Если в 1908 году наемный рабочий работал на себя 5 часов, а на класс совокупных эксплуататоров – 6 часов в сутки (В. И. Ленин т.22 стр. 35—37), то сегодня – на себя 16—20 минут, учитывая и его долю на оборону страны, а на класс совокупных эксплуататоров – 460 и более минут в сутки (Расчет сделан на основе статистических данных за 1968 —1988 г.)

Государственный аппарат, во главе с партией, подавив сопротивление со стороны гражданского общества, подчинил своим интересам все многообразие общественных интересов, и опутал его многочисленными бюрократическими органами. Все свободные общественные объединения превращаются в государственные или уничтожаются. Монопольное государство твердо встало на путь своего развития, захватив все средства производства в свои руки, оно все больше ставило общество под свой контроль, расширяя атрибуты власти и увеличивая армию

чиновников. С развитием разделения труда, с появлением новых отраслей производства, новых общественных потребностей, увеличивается и количество объектов деятельности государства, а соответственно и надстроечных институтов. Стремление поставить под свой контроль любое жизненное проявление общества и самому не быть подконтрольным, стремление быть не зависимым от общества и существовать за счет общества – есть та скрытая цель данного государства, которая и определяет направления его развития.

В свою очередь, государство, оторвавшись от общества и став над ним, начинает разлагаться, впадая во все возможные пороки. Коррупция и произвол, по отношению к обществу и отдельным лицам. Повсеместная разрушительная деятельность, расхищение национальных богатств и природных ресурсов, самая невероятная ложь, в политической деятельности, агрессивная политика по отношению к другим государствам – вот то лицо, которое обретает государство, став монопольным собственником всех средств производства. В тех случаях, когда обществу приоткрывается лик паразитирующего государства, оно сразу начинает лихорадочную деятельность по очищению своих рядов. Все, что еще можно скрыть от общества остается засекреченным и не доступно для простых граждан. И мы видим, как вновь разыгрывается комедия по давно разработанному плану. Выбираются очередные козлы отпущения, те, кто наиболее засветился в своих неблагоприятных делах или стал неугоден власти, и они подвергаются судебному разбирательству, на котором вся суть их преступной деятельности сводится к нравственному облику и личным качествам осуждаемых, а государство остается в стороне. И никто не задается вопросом: а как такое возможно?

Свершив отпущение грехов, в виде жертвоприношения государство, словно начинающий вор, после каждого провала уверяет, что это последнее преступление и в дальнейшем оно будет вести честную трудовую жизнь. Но соблазны слишком велики для ничтожной чиновничьей души, чтобы она могла устоять и не впасть в разъедающие ее пороки.

Как показывает жизнь, форма деятельности, привилегированное положение и отрыв от общественных интересов делают государственных чиновников косными и не способными к самостоятельной осмысленной деятельности. Самое большее, до чего они могут додуматься – это до идеи правового государства. Марксисты на словах постоянно оказываются крайними реакционерами на деле. Выудив со свалки истории идею о правовом государстве, которую выдвинула буржуазия, в борьбе с феодальной властью, еще во времена Фридриха-Вильгельма! V, они преподносят ее как последнее достижение демократической мысли, стремясь предстать в глазах общества обновленной властью. Мол, до сих пор мы правили, как нам было удобно, и писали законы для народа, а теперь будем поступать только по законам, которые станут, обязательны для всех. Мыслители же, не затуманивающие суть пустыми фразами, в отличие от теоретиков развитого социализма, полагали, что политическое равенство, то есть правовое государство, при не равенстве экономическом, остается сплошь и рядом пустой фразой. Поэтому истинные коммунисты вели борьбу за экономическое равенство. Право же всегда является юридическим закреплением господствующих интересов, а в наших условиях отражением господства интересов государства монополиста. Какую заботу, в последнее время, о соблюдении закона стали проявлять государственные чиновники и их идеологи. Не потому ли, что в обществе нарастает волна протеста против произвола монопольной государственной машины. Слушая юристов, рассуждающих о правовом государстве, еще раз убеждаешься, что юристы – это насквозь реакционные люди.

Что же преследуют идеологи государства с всеохватывающей государственной собственностью, разглагольствуя о правовом государстве, о всеобщем подчинении закону, который они

сами и фабрикуют? Не больше и не меньше, как укрепление своей власти и сохранение существующего положения вещей, которое их вполне устраивает. Только непосредственных производителей существующее положение вещей уже не устраивает, а значит и законы, не защищающие их интересов. Непосредственным производителям необходимо не господство законов, закрепляющих их бесправие и всевластие государственного чиновника, а реальное экономическое, социальное, а значит и политическое, равенство, что невозможно при сохранении всеохватывающей государственной собственности.

5

Характер данного государства и стоящей во главе его партии проявляется в обожествлении общества вообще, под обществом, как правило, понимается само государство, и в то же время, в обезличивании отдельного гражданина. Как записано в уставе партии: «Коммунист обязан общественные интересы (читай государственные, так как государство присвоило себе право выражать общественные интересы) ставить выше личных». Но до сих пор развитие общества шло благодаря стремлению людей удовлетворить личный интерес. И всякий человек, если он находится в здравом уме, заинтересован в общем лишь постольку, поскольку этот общий интерес соответствует его личному развитию. А признание того, что единственно достойная цель для человека – это сам человек, стало значительным достижением мировой мысли. Государственные же идеологи, часто повторяя всем известную истину, что человек существо общественное, не идут дальше и не доходят до понимания, того, что и частный, индивидуальный интерес, его содержание и средства удовлетворения предопределяется обществом, а не возникает из ниоткуда. К тому же, общий интерес – есть сумма снятых частных интересов. Но так как в нашем обществе государству противостоит каждый гражданин, не являющийся представителем государства, со своим частным интересом, а государство, по отношению к нему, выразителем общественных интересов, то частный интерес, который не служит данному государству, не признается общественно значимым. Здесь в жертву интересам государства монополиста, хозяина всех средств производства, приносятся интересы непосредственных производителей. И если отдельный гражданин, или группа людей, выступают в защиту своих интересов, то государство рассматривает это как покушение на общественные интересы, и карает, как антинародную деятельность, хотя антинародной и преступной является деятельность самого государства. И примеров тому великое множество. Весь путь монопольного государства, начиная от становления и кончая сегодняшним днем, усеян жертвами народа. Это и известные репрессии, это и постоянные войны с огромными потерями, это и Афганистан, это и Чернобыльская катастрофа, правду о которой мы узнаем с таким трудом, это и еще множество трагедий, не меньших по своему масштабу. Чаще всего это малоизвестные трагедии, так как государству удается скрыть от народа их последствия и истинных виновников, запугав осведомленных уголовным преследованием за разглашение государственной тайны. Но именно в этих малоизвестных трагедиях проявляется истинное отношение государства к своему народу, так как здесь нет необходимости лицемерить. Как это было, например, с бактериологическим «взрывом» в Свердловске весной 1979 года, о котором жители города узнают только через одиннадцать лет. Вот как описывает те трагические события корреспондент газеты «Вечерний Свердловск» В. Зайцев: «Из Москвы приехала авторитетная комиссия, в составе которой находился даже заместитель председателя КГБ СССР. Нам доложили, дескать, в результате раскопок могильника в городе распространилась опасная инфекция». А «взрыв», или точнее выброс, выдув, случился, очевидно, ночью при южном порыве ветра, ибо раньше всех была поражена ночная смена на керамическом заводе. Далее гибли люди, в основном, по тому же направлению-вектору. В микрорайоне, в заводском поселке, в тех же двух соседствующих военных городках. Ужасное поветрие смерти продолжалось, в районе Вторчермета умирало в иной день от семи до десяти человек... Первые больные

и умирающие появились 4 апреля. А лишь 13-го «Вечерний Свердловск» разразился статьей на восемьдесят строчек врача горсанэпидстанции под предупреждающим заголовком «Берегись инфекции!». Наконец, 20-го усилиями кандидата ветеринарных наук последовало очередное предостережение «Инфекцию можно предупредить». Еще одним характерным признаком всех трех опусов была обязательная отсылка читателей к бедным, больным, ослабленным голодной зимовкой животным, от коих будто бы и пошла, гулять зараза... Тут же по выявившимся, но тогда тщательно скрываемым признакам косила род людской не встречаемая доселе опасная легочная форма, скоропалительная инфекционная пневмония. А что же работавшая представительная чрезвычайная противозидемическая комиссия? Да, когда она после десятков смертей разобралась с источником (или точнее вывела его), был, наконец, прерван трагический ряд, спасены иные обреченные. Но «обет умолчания» действовал». «Вечерний Свердловск» от 25 октября 1990 года. В память свердловчанам, о тех событиях, осталось кладбище, где упрятаны умершие, в специальных гробах, на двухметровой глубине, без венков и цветов. И только металлические проржавевшие таблички с номерами, да коричневые пятиконечные звезды, как своеобразными символами эпохи, напоминают о тех событиях. Так государство отблагодарило своих граждан за верность и преданную службу, наделяя их местами на кладбище. Так что же пытались скрыть представители государства от народа? Они скрывали причины трагедии, они скрывали, то, что свои граждане стали жертвами биологического оружия, которое изготавливалось в Свердловске. Но, скрывая это, они показали свою сущность, то, как государство относится к своему народу, то, что ради сохранения своей власти они пожертвуют любым количеством людей.

6

Когда непосредственные производители, защищая свои интересы, пытаются воздействовать на ход событий, когда встают на путь активной политической деятельности, тогда им напоминают, какая роль им отведена, при власти монопольного капитала. Они поучают народ, словно школьные учителя нашаливших детей; Вы не компетентны, Ваши выступления полны эмоциональности и страсти, и страдают отсутствием логики, Вы пошли на поводу у авантюристов и различных демагогов, играющих на Ваших чувствах. Откройте глаза и Вы увидите, что Мы единственные обладатели истины, только Мы можем быть компетентны, так как сами, и определяем компетентность, только Мы можем указать путь к лучшему будущему. Верьте Нам, обожайте Нас, поклоняйтесь Нам, и Вы станете счастливы. Но народ уже не так наивен, чтобы продолжать верить вашим сказкам, «хранители» истинны. Он шел за вами и верил довольно долго, а положение его не только не улучшилось, а еще более ухудшилось.

Эти «хранители» истинны, исчерпали весь свой запас различных идеологических трюков и обманных обещаний. Теперь они пытаются оправдать свои действия построением нового государства – правового, и обещают поставить в управлении компетентного чиновника. О правовом государстве уже достаточно сказано, чтобы еще раз опровергать эту ахинею. Идея же просвещенного управления, компетентного чиновника, в сущности, является идеей просвещенного монарха, трансформированной через головы государственных чиновников, на современную почву. Говоря о просвещенном управлении, они не в состоянии понять, что критерием подбора кадров, в данной системе, служит не компетентность, а преданность интересам стоящих у власти. Как видно из случая, произошедшего в Свердловске весной 1979 года, компетентная комиссия стремилась не выяснить все обстоятельства произошедшего, чтобы избежать гибели людей и привлечь к ответственности виновных, а скрыть правду от народа. Удивительно то, что эти скудные мысли излагаются серьезно, с претензией на глубину, и не вызывают смеха у окружающих. Только тогда, когда непосредственные производители станут реально распоря-

жаться продуктами своего труда и участвовать в государственном строительстве, только тогда они подберут нужных специалистов, доказавших свою компетентность в практической жизни.

Государственные идеологи, в своем поучении народа, постоянно делают упор на логику и порицают эмоциональность и страсть выступлений непосредственных производителей, осуждая забастовки и митинги. В их понимании логично мыслит только тот, кто изучал логику, а точнее, тот, кто защищает их интересы. Оказывается логика это не свойство присущее человеческому мышлению, а нечто приходящее, чему можно научиться, слушая наших профессоров. Этим профессорам логики, мыслящим сухими формулами, предписанными свыше, в сущности, нет никакого дела до науки. Они используют науку, как орудие в защите своих интересов. Но и им не мешало бы знать, что логика не научает мышлению, она лишь объясняет мышление.

Только государственные чиновники видят недостаток в том, что выступление людей полны эмоциональности и страсти, но ведь все эти выступления и направлены против существующей государственной системы. Для чинуши, превратившегося в винтик государственной машины, утратившего человеческую сущность и устремленного к одной цели – как можно выше подняться в иерархии власти, гораздо важнее сухое рассуждение, без эмоций и страстей. Ему, как мусульманину, допускается впасть только в один порок – соблазн властью, так как государственная машина не принимает во внимание проявление человеческой души. Но не сухие формулы и не логические рассуждения, не ведущие к реальному действию, являются движущей силой человека, а желания, потребность, страсть. Разве революция не есть наивысшая точка накала страстей, и разве не в революционные периоды происходит скачек в развитии общества? Г. В. Ф. Гегель, который законно считается отцом диалектической логики, отмечал, что без страстей никогда не было и не может быть совершенно ничего великого, и только мертвая, а весьма часто лицемерная мораль, выступает против страсти как таковой.

Больше всего, государственные чиновники и их приспешники, боятся таких форм борьбы наемных работников за свои права, как забастовка. При этом они выдвигают аргумент, что забастовки не произведут ни хлеба, ни угля, ни машин, ни других материальных ценностей и не сделают жизнь народа лучше. Они не считают необходимым изучать историю, так как все «знают» от рождения, и главное для них – это правильно исполнять указание свыше. Им не доступно понимание того, что революционное движение, направленное против сковывающих общества устаревших отношений, помогает высвободиться производительным силам, способствует распространению новых способов производства, что уже само по себе влечет увеличение общественного богатства.

Но для наиболее ясного представления о характере монопольного государства еще раз вернемся в период его становления, чтобы за массой индивидуальных, взаимно переплетающихся интересов, проследить общую закономерность. В процессе становления монопольного государства, для беспощадного подавления индивидуальных интересов непосредственных производителей в угоду интересам государственных чиновников, необходима и соответствующая личность. А когда возникает историческая необходимость, то и появляется личность, близко отвечающая потребности времени. Такой исторической потребности и отвечал Иосиф Джугашвили, больше известный как Сталин, который, к тому же понял, что в данных условиях всеохватывающей государственной собственности все решает аппарат управления. Но, хоть Сталин и его окружение и были теми людьми, которые способствовали становлению и развитию монопольного капитала, они не являются главной причиной успеха данного государства. И если говорят, что они «предали» идеи Ленина и интересы народа, то это ничего не объясняет,

не раскрывает, почему народ позволил «изменить» идеям Ленина и «предать» свои интересы. Как могло случиться, что народ пошел за Сталиным и его окружением, а не оказал сопротивление? Видно те, кто стоял за Сталиным оказался сильнее своих противников, а сам народ не знал, что ему необходимо.

Не менее наивным является и представление, что основой всех экономических и социальных трудностей является ошибочность теории, которой руководствуется правительство, или, по крайней мере, делает вид, что руководствуется, которое не стремится понять взаимосвязь теоретических представлений и материального положения. Сознание обывателя все ставит с ног на голову и никогда не доходит до истинных причин. Для него господство вещей представляется господством идей, а не наоборот. В действительности же отдельные индивидуумы, как и ассоциации, в которые они объединяются, исходят, в практической деятельности, не из теоретических положений, а из своих интересов, которые определяются их социальным положением.

7

Свершившиеся, в верхнем эшелоне власти, перемены в пользу укрепления монопольного государства с мелкобуржуазным характером, обернулись усиленной чисткой партийного и государственного аппарата. Монопольный капитал предполагает управление из одного центра, и, его характеру, вполне отвечает узурпация власти и диктатура, не значительной группой лиц. Естественно, что в государственном и партийном аппарате стали укрепляться карьеристы, доносчики и простые исполнители, не способные к самостоятельному мышлению и действию. Чиновника, выросшего из интеллигента революционера, готового служить народу, заменили чиновником, пришедшим из крестьян и готового служить вождю, как раньше он служил барину.

Укрепившаяся у власти группа мелкобуржуазных авантюристов, во главе с Иосифом Джугашвили, боясь разоблачения, боясь критического осмысления происходящих процессов, начали душить всякую свободную мысль, дабы не допустить малейшей оппозиции. Страх стал движущей силой в деятельности государственного и партийного аппарата. Страх породил репрессии, хладнокровные массовые убийства, средневековые пытки, дикую травлю, доносы на политических и личных врагов.

Все эти преобразования, проходившие под флагом строительства социализма, произвели неудобоваримую кашу в головах людей. В партии оставалось все меньше и меньше людей, способных к критическому анализу сложившейся ситуации, и достаточно смелых, чтобы высказывать свое мнение. Сложившаяся ситуация и дала возможность воскреснуть Угрюм-Бурчеву, в лице Сталина, только уже не в роли градоначальника, а в роли руководителя партии, стоящей у власти огромной страны. Сравните Угрюм-Бурчеева, обрисованного пером гениального сатирика Салтыкова-Щедрина, со Сталиным, и вы не найдете различий. Они похожи как братья близнецы, и не только своей сущностью, но и внешне. Мог ли Салтыков-Щедрин предположить, что нарисованный им карикатурный тип, станет реальностью, и ни где-нибудь, а в России. Появление, в истории России, такой фигуры, как Сталин не случайность, и не будь Сталина, на его месте был бы кто-то другой, и совсем не обязательно с лучшими качествами. Хотя, в настоящее время, некоторые историки и литераторы, желая подчистить историю, пытаются взвалить основную вину на Сталина, не затрагивая сути данной системы власти, только это вряд ли им удастся.

8

Установление диктатуры партии неизбежно вело к диктатуре партийного аппарата, в лице ее руководства, что, в конечном итоге, вылилось в личную диктатуру Сталина. В партии, а особенно в ее руководстве, развернулась кампания по раздуванию лягушки до величины быка. Чтобы скрасить серость окружающего руководства, решили «зажечь» одну «звезду», свет которой мог бы затмить скромный свет остальных. На самом деле те, кто смотрит на вещи реально и не теряет головы от потока фраз, могли видеть, что свет их талантов можно различить только в полной тьме. Поэтому и воспринята была идея, превращения окружающей действительности в темную массу, как весьма подходящий способ выделиться самим. Для государственных чиновников было весьма выгодно представлять руководство в роли пророков современности и раздувать их значимость, до космических величин. Если есть пророк, который все видит и понимает лучше любого другого, то интересы отдельного человека или группы «заблудших» можно принести в жертву «великим» идеям пророка. В таких условиях, появляется возможность осуществлять свои интересы как всеобщие и подавлять противостоящие.

Современная литература полна публикаций вскрывающих преступную деятельность многих государственных деятелей, в период правления Сталина. Бесспорно, деятельность Сталина и его окружения преступна, и народ должен знать об этом. Но одного не нужно делать – это преподносить так, что будто бы все беды нашего народа связаны только с несколькими личностями, к тому же, довольно посредственными. Некоторые, вообще, начинают гадать на кофейной гуще. Например, вот если бы власть в стране перешла к Кирову, или Бухарину, или кто другой пришел к власти, то все было бы гораздо лучше. Люди с такими обывательскими взглядами на историю не могут понять, что роль личности в истории и состоит в том, что личность является выразителем определенных общих интересов, и находит поддержку в этой среде, а не появляется из неизвестности. Именно такой тип руководителя, как Сталин, наиболее полно выразивший интересы государства с всеохватывающей государственной собственностью, и был востребован временем. Государственные же идеологи, стремясь скрыть порочность существующих общественных институтов власти и сохранить систему в целом, всю вину за случившееся перекладывают на Сталина и его окружение. А тем самым, озлобление народа, вызванное действующими институтами власти, направляется на отдельных лиц. Сначала был виноват Сталин, затем – Хрущев, и под конец – Брежнев. Весьма сомнительно, что этой участи избежит Горбачев. История, написанная по такому принципу, не дает объективных критериев, не вскрывает причин, не выясняет, почему, это, возможно, не показывает, чьи интересы выражают лица, оказавшие при власти. Так пишут историю только государственные идеологи, не утруждая себя углубленным изучением предмета, ведь им и так хорошо платят. Но прогресс наблюдается и в среде государственного управления. От «отца народа и учителя вообще», дошли до учителя нового мышления».

С укреплением власти монопольного государственного аппарата, как хозяина и распорядителя всех продуктов труда, и подавление сопротивления народа внутри страны, наступил момент, когда угрозу его существования, могли представлять, только другие государства. Поэтому для сохранения и удержания власти, монопольному государству, была необходима мощная армия, вооруженная самым современным оружием, что естественно не могло осуществиться без развития промышленности. Все имеющиеся в стране материальные средства и многие жизни были брошены на индустриализацию, которая еще больше укрепляла власть государственного аппарата.

Не имея средств, для быстрого подъема промышленного производства, государство стремится форсировать индустриализацию за счет деревни. Такой путь индустриализации, ведущей к вымиранию крестьянства, естественно вызвал протест со стороны крестьян. В стране

вспыхивают стихийные протесты против проводимой, грабительским методом, индустриализации и насильственной коллективизации. Особенно сильные выступления крестьян происходят на Тамбовщине и в Сибири. Крестьяне отказываются отдавать хлеб. Подавив сопротивление крестьянских масс, руководители государства, дабы устранить в дальнейшем почву для недовольства, стали стогнать крестьян в колхозы. Выращенный на своей земле хлеб крестьянин готов защищать даже ценой своей жизни. Колхозная же система дает возможность грабить крестьян без особого труда, так как в коллективном продукте труда крестьянину трудно выделить то, что должно принадлежать ему, он не может сказать – это мое, и я никому, плоды своего труда, даром не отдам. Государственные чиновники, рассуждая о преимуществах коллективного ведения хозяйства, организованного на основе интересов самих производителей, над индивидуальным хозяйством, согнали крестьян в колхозы, для более эффективной эксплуатации, для того, чтобы легче было изымать продукты труда. С таким же успехом они могли рассуждать и о преимуществах людей более высокого роста, а людей маленького роста, отправлять на дыбу.

История уничтожения русского крестьянства связана со становлением монопольного капитала. Монопольный капитал, стремясь из всего извлекать прибыль, а так же, желая подчинить себе, все формы хозяйственной жизни, не мог позволить существовать, рядом с собой, другим формам хозяйствования. Но как бы не стремились, представители монопольного капитала, задействовать все население в крупной промышленности, создавая не выносимые условия жизни в деревне, они вынуждены были, все-таки, решать проблему продовольствия. Поэтому, чтобы крестьяне полностью не покинули деревню, государство ограничило их отток административными средствами, то есть государство перестало выдавать им паспорта. После полувековой свободы крестьяне вновь были закрепощены, только теперь не отдельным помещиком, а самим государством. С ускоренным развитием промышленного производства возник перекося в распределении производительных сил, что неизбежно начало давать о себе знать сразу же. А это и неоднократно повторяющейся голод в деревне, и нехватка продовольствия в городах, и недостаток сельскохозяйственного сырья, для промышленности. И по сегодняшний день ощущается нехватка продовольствия, недостаток того или иного вида продуктов, что заставляет государство ограничивать свободную продажу и вводить карточную систему. Здесь за примерами далеко ходить не надо.

В начальный период развития всех этих процессов, в руководстве партии, еще находились люди, которые могли критически оценивать методы проведения индустриализации и коллективизации. Поэтому и возникают оппозиционные группы, с различными лидерами. Но свою борьбу оппозиция ведет, в основном, в партийных дискуссиях, не выходя к массам, и тем самым обрекает себя на поражение. К тому же оппозиция выступает не против политики в целом, а лишь против некоторых отклонений. Поэтому Сталину, и его преданному окружению, не составляло трудностей удержать власть и подавить возникающие оппозиции. Для Сталина, как и для всех последующих правителей, главным было не отстаивание своей позиции, а удержание власти. «Мудрый» кормчий, являясь «великим» теоретиком всех времен, делает вывод, для оправдания террора, что в период строительства социализма классовая борьба обостряется. Сколоченная, к тому времени, банда слуг, готовых, по сигналу своего вождя, растерзать и втоптать в грязь любого, не имеющие ни совести, ни сомнений, моментально подхватывают брошенный лозунг и начинают действовать. В первую очередь «врагами народа» объявляются те, кто представлял угрозу для власти Сталина, и его окружения. Следующими жертвами становятся те, кто способствовал приходу к власти Сталина, так как знали слишком много. Репрессиям подвергаются простые рабочие и крестьяне, выражающие недовольство или высказывающие сомнения, в правильности действия власти.

Государственный аппарат, во главе с партией, уничтожив очаги возможного сопротивления, стал не только монопольным собственником средств производства, но и единственным толкователем истины. Произошло полное слияние капиталиста, как выразителя сущности капитала, и государства, как политического органа, выражающего интересы господствующего класса. Теперь государство стало выразителем сущности капитала, определив себя, как социалистическое.

Государство, став хозяином всех средств производства, перестало существовать в своем прежнем качестве. Это и произвело неудобоваримую путаницу в головах идеологов, которые свое понимание мира строят не на анализе существующей действительности, а на различных догмах.

При этом необходимо отметить, что господство государственной формы собственности вовсе не означает, что других форм собственности вообще не существует. Они существуют, но господствующей является именно государственная собственность на условия производства. Здесь количественное изменение государственной собственности, по отношению к другим формам собственности, приводит к качественному изменению всего общества. Общество становится заложником государства монополиста. Анархия, в общественном разделении труда, присущая обществу с частнокапиталистическим способом производства, сменяется деспотией государства, так как на смену свободному переливу капиталов приходит плановое распределение, по воле государственного чиновника. Вопрос о стоимости государства отпадает сам собой. Теперь не общество, или отдельные его классы, определяют расходы на государство, а государство подсчитывает, сколько необходимо потратить средств на потребности общества, а сколько, на воспроизводство капитала. Если в условиях частных капиталов буржуазия сумела создать не особо обременяющий государственный аппарат, ограничив его непомерные аппетиты, хотя и он постоянно стремится истратить на себя больше, чем ему отведено, то для государства монопольного капитала вообще не существует проблем получения средств к существованию. Являясь всеобщим собственником средств производства, данное государство, хотя и тратит на свои нужды и программы гораздо больше и глупее, не может быть должником своих граждан и своих предприятий, а поэтому, предприятия, колхозы и совхозы оказываются в должниках у государства. На первый взгляд складывается парадоксальная ситуация, когда непосредственные производители постоянно ходят в должниках у тех, кто ничего не производит. Но для государства монополиста это вполне естественная ситуация, так как в их руках неограниченная власть.

Государственная собственность не разрешает противоречия между трудом и капиталом, а доводит его до крайней степени. Наемные работники, в данных условиях, вынуждены большинство своего жизненного времени заниматься необходимым трудом, дабы другой класс, государственные чиновники и их идеологи, освобожденный от необходимого производственного труда, мог заниматься ведением общих дел и выработкой идеологии. Это ведение общих дел, государственные чиновники, и превращают в эксплуатацию наемных рабочих. «Подобно тому, как растение живет за счет земли, скот за счет растения или за счет травоядного скота, так та часть общества, которая обладает свободным временем не поглощенным непосредственным производством средств существования, живет за счет прибавочного труда рабочих». (К. Маркс Ф. Энгельс собр. соч. т.47 стр.213)

При существующих отношениях, когда капитал противостоит наемному труду, производство ведется в интересах воспроизводства самого капитала. В условиях монопольного капи-

тала это проявляется в накручивании «вала». Вот что пишет по этому поводу В. Афанасьев, бывший главный редактор газеты «Правда»: «Между тем принцип «чем дороже, тем лучше» прочно укоренился в нашей хозяйственной практике... Вал, объем реализации продукции в рублях был и остается главным плановым и отчетным показателем нашей экономики. Отсюда все наши экономические беды. Сломать вал, отбросить бумажные рубли, а дать вместо них, побыстрее и подешевле, добротную натуру...». «Так, все это мы с 60-х годов критикуем, и именно в 60-е годы появился у нас термин «девятый вал». «Темпы роста остаются, зарплата, как и прежде, привязана к объему в рублях, а накручивать вал за счет повторного счета, цены и получать зарплату, не производя продукцию, не введя объекты, мы научились давно и продолжаем сейчас» – сказал, на Съезде народных депутатов, председатель Совета Министров Казахской ССР Н. Назарбаев. «И этот показатель, осужденный на XX!! съезде партии и на июньском (1986 г.) Пленуме ЦК, продолжает жить. Вал в рублях, а не товары, стал еще более мощным в двенадцатой пятилетке». («Правда» против «вала» В. Афанасьев.) Сказано все правильно, и осталось совсем не много – понять причины существования вала, и его живучесть.

При монопольном капитале самовозрастание приобретает чисто денежную форму, без увеличения количества реальной продукции, что и ведет к краху самой системе. И что только не придумывали экономисты и государственные чиновники, стремясь побороть этот ненавистный вал, но вал прорывался вновь и вновь. Вот что писал о существовании вала еще один советский экономист Д. Валовой: «Жизнь показала, что исключение вала из оценочных показателей оказалась формальным. Вал по-прежнему здравствует. От него зависят и производительность труда, и заработная плата, а, в конечном счете, и фонды материального стимулирования. Валовой общественный продукт и национальный доход страны увеличился в 1985 году по сравнению с 1965 годом в 2,8 раза. Но за этот период на каждый рубль национального дохода и валового продукта уменьшилось производства зерна, мяса, молока, овощей, тканей, обуви и ввод жилья в 2, а картофеля – в 4 раза в натуральном выражении. Упало обеспечение денег товарной массой в целом». (Д. Валовой. «Правда» против «вала». стр. 237)

От того, что представителем капитала выступает государство, а не отдельно стоящий капиталист, сущность капитала не изменяется, но меняется способ самовозрастания. Хотя самовозрастание монопольного капитала и происходит через получение прибавочного рабочего времени, но происходит несколько иными методами. Главная отличительная особенность извлечения прибавочной стоимости, при монопольном капитале, вытекает из того, что весь производимый прибавочный продукт попадает в один карман, а для наемных работников не существует выбора, и они вынуждены наниматься за монопольную заработную плату. Государство, как монопольный капиталист, постоянно стремится свести заработную плату к самому необходимому минимуму. И делается это через повышение цен на жизненные средства, при сохранении прежней заработной платы. Повышение цен проводится различными методами. Например, через денежную реформу, как это было сделано в 1961 году, или через снижение качества потребляемых жизненных средств, как это делается постоянно, или путем различных ухищрений в виде договорных цен, повышенных цен на новые изделия, или простой заменой этикетки. Повышение цен, на жизненные средства, позволяет государству за то же количество потребительных стоимостей приобретать большее количество живого труда. Во-вторых, повышение степени эксплуатации происходит за счет принуждения к выполнению дополнительных работ. Это различные авралы, черные субботы, коммунистические субботники, сельскохозяйственные работы.

Наряду с ухудшением жизненных средств и снижением жизненного уровня для наемных рабочих, развивается специально производство и закрытая система распределения для партийных функционеров и государственных чиновников, то есть для представителей монопольного капитала. «Уже в начале 20-х годов высший эшелон РКП (б) сделал существенный приступ к расширению своих благ. Весной 1922 года X! съезд партии – на пятый год революционной перестройки! – впервые поручил ЦК разработать комплекс мер по улучшению материального положения «командного состава»... спустя три месяца оргбюро приняло постановление, которым вводилась четкая иерархия окладов партработников всех уровней: для членов ЦК, ЦКК, секретарей губкомов, обкомов и ячеек на крупных предприятиях, коммунистов-руководителей советских и хозяйственных органов. Помимо окладов, «активные» партработники дополнительно получали свой партийный продовольственный паек. В центре на месяц – 12 килограммов мяса, 1,2 килограмма сливочного масла, 1,2 – сахара, 4,8 – риса. Для работников губернского уровня паек был скуднее.

Внушительно выглядели привилегии аппарата по части обеспечения жильем, одеждой, транспортом, медицинским обслуживанием. В 1922 году на санаторное обслуживание «ядра» партработников по линии Наркомздрава было ассигновано 360 млрд. рублей. На проезд каждому чиновнику до места отдыха или лечения выделялось 100 рублей золотом, на первый месяц пребывания в санатории еще 100 рублей золотом, «на устройство и мелкие расходы» – еще 100 рублей золотом и далее по 100 рублей золотом на каждый последующий месяц». (Виктор Долгов, кандидат исторических наук «Собеседник» №39 1990г.) Вот как заботились о себе радители за народное счастье. Эта система привилегий для партийных и государственных чиновников развилась до невероятных размеров, включая в себя все новые и новые привилегии. Возникновение ее явилось закономерным следствием разделение на хозяев и наемных работников, так как не могли же они существовать в одинаковых условиях.

«А правда такова: в системе распределения благ образовалась особая подсистема), а сложилась в жесткий порядок при Сталине, а при Брежнев, можно сказать, разлилась морем разливным), доступ к которой открывает не трудовые доходы, не профессиональные особенности, не объективная, наконец, нуждаемость, а исключительно служебное положение или социальный статус. Эта подсистема включает в себя практически все, что входит и в общую систему, но в ином, первосортном, так сказать, виде и ассортименте. Маленький мирок в целом мире, огороженный кастовым забором. Свое жилищное хозяйство и торговля, общественное питание и здравоохранение, сферы отдыха и быта...». Павел Волин «Огонек» №135 1989г. «Тайна, известная всем»

Повсеместно рассуждая о всеобщем равенстве и братстве, крича, на каждом углу, о справедливом обществе, государственные чиновники и их идеологи, создали для себя, как хозяев монопольного государства, закрытую от общества систему обеспечения, показывая на деле, что никакого социалистического общества не существует. Говоря о социалистических отношениях, они исходят из того, что не существует отдельного капиталиста, и совсем не могут усвоить, что и государство может выступать в роли представителя капитала. Определение капитала, данное Марксом, на которого они все время ссылаются, не так ограничено, как трактуют продажные идеологи. «Монополизированные определенной частью общества средства производства, обособившиеся по отношению к живой рабочей силе продукты и условия приведения в действие самой рабочей силы, – вот что в силу этой противоположности персонифицируется в капитале». К. Маркс «Капитал» т.3 стр. 887.

История Советского государства показывает, что выразителем интересов капитала может быть и государство, устранившее частного предпринимателя. Для рабочих это не является тайной за семью печатями, в отличие от профессоров. «Нас долго уверяли – и не безуспешно, – что рабочие являются владельцами средств производства. Однако это не так. Владеет средствами производства – командно-бюрократический аппарат. Да и потом – хозяева не бастуют». Из переговоров бастующих шахтеров Павлограда с администрацией. «Советская культура» 29 июля 1989 г.

9

Процессы огосударствления проходили не только в России, но и наблюдались в других странах. Даже во времена свободной конкуренции. Ф. Энгельс, в своей работе «Анти-Дюринг», отмечал: «... с тех пор, как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особого рода фальшивый социализм ... объявляющий без околичностей социалистическим всякое огосударствление, даже бисмарковское. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних, несомненно, должны быть занесены в число основателей социализма». Еще более усилились процессы огосударствления в связи с промышленными кризисами и войной. Как отмечал Ленин, выступая на «Седьмой конференции РСДРП (б): «В особенности в XX веке развитие капитализма гигантскими шагами пошло вперед, а война сделала то, что не было сделано за 25 лет. Огосударствление промышленности пошло вперед не только в Германии, но и в Англии. От монополии вообще перешли к государственной монополии. Объективно положение дел показало, что война ускорила развитие капитализма, и оно пошло вперед от капитализма к империализму, от монополии к огосударствлению». И видимо Ленин предполагал, что данный процесс не обратимый, а он, проведя всеобщее огосударствление, впереди планеты всей. Но как раз в этом он и ошибался, так как, огосударствление, при сохраняющемся частном капитале, не приходит к единому монопольному капиталу. Отсутствие оживляющего огня конкуренции способствует прогрессирующему загниванию и соответственно утрате позиций на мировом рынке. Это вынуждает двигаться в обратном направлении от концентрации и огосударствления к возрождению конкурентной среды, то есть проводить разгосударствление. В странах с частнокапиталистическим производством постоянно идет борьба этих двух направлений, проявляющейся в борьбе партий. Одни партии призывают к национализации, то есть огосударствлению, или к большей степени контроля со стороны государства, в чем они видят возможность преодоления пороков капиталистического производства, а другие призывают убрать всякие государственные ограничения, очистить поле для свободной конкуренции, как основе, для быстрого экономического развития. Эта борьба идет с переменным успехом. Если процессы огосударствления и усиление роли государства в экономике быстро развивается после второй мировой войны, которые продолжаются вплоть до 70-х годов, то со середины 70-х годов, все процессы пошли вспять. В Англии этот процесс быстро начинает развиваться с приходом Маргарет Тэтчер. То же самое происходит, в большей или меньшей мере, и во всех других странах, вплоть до африканских и южно американских государств. Капиталистическое производство вышло на новый виток своего развития, захватывая в свою орбиту все новые страны и народы, который, в дальнейшем, приведет к еще более крупной концентрации и монополизации.

Только благодаря Октябрьской революции были созданы условия для взятия всех средств производства в государственную собственность. Для революций, свершившихся под воздействием экономического краха определенного режима, империалистических войн, борьбы за освобождение от колониализма и других причин, когда вместе с рабочим классом революционно настроены и мелкобуржуазные слои, при этом рабочий класс еще не выработал высокой культуры и сплоченности, в защите своих интересов, свойственно делать шаг назад. В резуль-

тате революции, устранившей частный капитал, возникает возможность прихода к власти сторонников всеохватывающей государственной собственности, с утверждением монопольного капитала, в лице государства. Здесь уже не каждый в отдельности обладает капиталом, а приобретает право распоряжаться всеобщим капиталом, как представитель государства. Капиталистический способ производства не исчерпал себя, и поэтому устранение частного капитала силовыми методами порождает монопольный капитал, не способный к самостоятельному развитию. Наблюдается повторение второй формы собственности, но на более высоком уровне развития. При которой граждане государства (рабы не являются гражданами) сообща владеют своими рабами, и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Совместная частная собственность свободных граждан государства вынуждает их перед лицом рабов, а в современных условиях монопольного капитала, перед лицом наемных работников, сохранять возникшую форму объединения. В наших условиях, наемные работники хоть и являются гражданами государства, от этого ничего не выигрывают. Современная всеохватывающая государственная собственность будет приходить в упадок, а так же и созданные на ее основе общественные институты, в зависимости от развития частного капитала, так же, как и вторая форма собственности, пришла в упадок, с развития частной собственности.

10

В монопольный капитал сливаются все виды капитала. Он выступает то, как торговый, то, как денежный, то, как промышленный, но уже разными сторонами единого капитала. В условиях производства на основе множества частных капиталов движение идет по двум направлениям: конкуренция ведет к концентрации капитала, а при возможности и к монополии, но монополия приводит к застою, а в условиях расширяющихся рынков, и к потере позиций и прибыли, что вызывает обратный процесс – возрождение конкуренции. И даже государство монополист, в последнее время, вынуждено, в виду длительного экономического застоя, предоставлять возможность, частным лицам, открывать предприятия. Этот процесс либерализации, в отношении частной собственности, идет еще и потому, что КПСС, боясь повторить историю ПОРП, подстегиваемая растущим движением за национализацию партийного имущества, торопится вложить, сомнительным путем приобретенные капиталы, в различные коммерческие банки.

События последнего времени еще раз подтверждают, какое государство мы имели. А имели мы государство с всеохватывающей государственной собственностью, и здесь не уместно рассуждать о социализме или коммунизме. Если же исходить из утверждений государственных идеологов о том, что у нас построено более прогрессивное, более передовое общество, то, как получается, что через семьдесят лет, после того, как народ взялся за оружие и прогнал капиталистов, после длительного периода «народного» правления, он вдруг понял, что без капиталистов ему никак нельзя, без капиталистов не прожить. Прозрение наступило и народ, в лице «своего» правительства решил – нужно продать себя в рабство частному капиталу. Зачем нам «свобода», зачем «свободный труд», если он не приносит удовлетворения и оказывается менее производительным, чем рабский. Веками народ стремился обрести свободу, сбросить всяческих мироедов, а, добившись, увидел, что рабство все-таки лучше.

На первый взгляд все это выглядит парадоксально, но если проследить внутренний процесс развития, то все встанет на свои места. Капиталистический способ производства, на основе всеохватывающей государственной собственности на средства производства, оказался менее прогрессивным и ведет общество к загниванию. И хозяева монопольного капитала, дабы сохранить свою власть, боясь потерять свое привилегированное право на управление и владение, решили оживить монопольный капитал, с помощью небольшого количества

частных капиталов. Они еще раз доказали, что не способны к самостоятельному развитию, и вновь, как не раз уже было в истории, падают в ноги капиталисту и молят его о спасении. При этом они еще пытаются сохранить видимость достоинства, преподнося свое преклонение, как новое мышление.

Пока, государство не боится приоткрыть отдушину для частного капитала, хотя делает это и не добровольно, так как сохраняет за собой большую часть средств производства и рычагов управления над экономикой страны. Но частный капитал, набирая силы и демонстрируя свое превосходство, над монопольным, рано или поздно, поставит вопрос ребром, об отмене государственных ограничений и переделке самого государства. Тогда встанет вопрос: или возвращение к всеобщей государственной монополии, а это станет возможно только через диктатуру, или отмена всяких ограничений, создание демократической республики и полное разгосударствление.

Если сравнивать частный капитал и всеохватывающую государственную монополию, то, безусловно, надо признать, что частный капитал имеет множество преимуществ, и это обеспечит ему, в конечном итоге, победу над монопольным капиталом.

Сущность всякого капитала состоит в беспредельном стремлении к прибыли, а исходной предпосылкой капиталистического производства является сохранение и увеличение стоимости. В условиях частнокапиталистического производства отдельные капиталы противостоят друг другу, и в своем стремлении к прибыли создают конкурентную среду. В результате этой борьбы и свободного перемещения капиталов, и складываются рыночные цены близкие к стоимости. Отдельный же капиталист может получить прибыль из разницы между рыночной ценой и собственными издержками производства. Увеличить же эту разницу можно двумя путями:

- повышением рыночной цены;
- сокращением собственных издержек производства.

Но отдельный капиталист не может повышать рыночную цену, так как она сложилась в результате конкурентной борьбы, а поэтому, для увеличения прибыли, он стремится сократить собственные издержки производства, то есть увеличить производительность труда. Повышая производительность труда, он тем самым способствует развитию производства, хотя и не ставит перед собой такой цели.

У монополистического же капитала появляется возможность, в силу своего монопольного положения на рынке, оказывать определенное воздействие на рыночные цены. Но эта возможность все же ограничена другими монополистическими капиталами и противодействием самого общества, в виде антимонопольного законодательства. Поэтому монополистический капитал идет не прямо к загниванию, а имеет лишь тенденцию. И только там, где государство выступает единым монопольным капиталистом, только там тенденция к загниванию переходит в прямое загнивание. Все это вытекает из того, что в своем стремлении к максимальным прибылям, капитал движется подобно свободному движению тел. Капитал, как и физическое тело, движется по пути наименьшего сопротивления. Для монопольного капитала путь наименьшего сопротивления – это повышение цен, и в первую очередь на жизненные средства, что ведет к снижению стоимости рабочей силы. Отдельные капиталисты так же стремятся снизить стоимость рабочей силы, но это происходит косвенно, как результат совокупной деятельности всех капиталистов. Снижение стоимости рабочей силы происходит в результате роста произ-

водительности труда, в результате сокращения издержек производства на единицу продукции, в результате перемещения капитала в страны с наиболее дешевой рабочей силой. Сокращение же издержек производства на жизненные средства приводит к относительному удешевлению рабочей силы, а тем самым к увеличению совокупной прибавочной стоимости. Монопольному же капиталу, чтобы увеличить прибавочную стоимость совсем не обязательно сокращать издержки производства. Он идет по пути простого повышения цен на жизненные средства, или установления монопольно низкой заработной платы. Хотя и частный капитал, и монопольный, стремясь извлечь как можно большую массу прибыли, делают это путем увеличения нормы прибавочной стоимости, через сокращение стоимости рабочей силы, частный капитал оказывается в более выгодном положении, так как достигает этого через рост производительности труда, а монопольный капитала – через повышение цен на жизненные средства. В данном случае монопольный капитал значительно уступает частному, так как снижение жизненного уровня имеет предел, по крайней мере, физическое существование, а возможности роста производительности труда не ограничен. Даже то, что монопольный капитал имеет дополнительную возможность увеличения массы прибавочной стоимости, благодаря тому, что вся прибыль стекается в карман одного собственника – государства, путем привлечения большего количества наемных работников, не спасает его. Это стремление монопольного капитала задействовать в производстве как можно большее количество людей, приводит к отсутствию безработных, что повсеместно выдавалось идеологами монопольного капитала, как достижение в строительстве «социалистического» государства.

Еще одна отличительная особенность двух рассматриваемых капиталов состоит в том, что для частного капиталиста существуют рабочие, которые работают не на него, и он их рассматривает как потенциальных потребителей своих товаров или услуг, как всех остальных сограждан, потребности которых он стремится развить, дабы увеличить рынок сбыта. Для монопольного же капитала таких рабочих не существует, все наемные работники данного государства работают только на него, или служат ему, а поэтому государство стремится, не развивать потребности граждан, а наоборот низводить к самому необходимому. Что и стало одной из основ культивируемой, в свое время, теории потребительского общества. Якобы, мы то строим совсем другое общество, общество людей, которые ничего не потребляют. Это и была, золотая мечта государства монополиста – иметь рабочих, которые бы работали на государство, и ничего не потребляли.

Государственные чиновники, как выразители интереса монопольного капитала, прежде всего, заботятся о самовозрастании капитала, и, прежде всего в производстве средств производства, а не жизненных средств. Это приводит к тому, что большая часть наемных работников занята на производстве средств производства. Но эти рабочие, так же как и все остальные, потребляют жизненные средства, производство которых постоянно находится в запущенном состоянии. «В народно хозяйственных комплексах производящих сырьевую, то есть промежуточную продукцию, сосредоточено более 60 процентов всех основных промышленно-производственных фондов. Зато в отраслях, обеспечивающих повседневные нужды людей, их ничтожно мало: на легкую промышленность приходится лишь 4 и пищевую – 6 процентов». Н. И. Рыжков «Известия» 9 июня 1989 г. Все это и послужило поводом, чтобы говорить о «само пожирающей экономике». Как результат, прилавки магазинов оказались пустыми, а у населения оказалось значительное количество не отоваренных рублей, точнее сказать – бумажек, которыми государство расплачивалось с наемными работниками за их труд. Но государство мало волнует, что наемные работники, не могут получить на эти деньги материальных ценностей. Для них это в порядке вещей, не выполнять свои обязательства, тем более, они знают, что у самих наемных работников нет рычагов, чтобы заставить государство рассчитаться.

Монопольный капитал неизбежно приходит к гибели, так как сохраняет все пределы развития, свойственные частному капиталу, но при этом еще утрачивает движущую силу частнокапиталистического производства – конкуренцию. Так как самовозрастание стоимости является основным мотивом капиталистического производства, то основным пределом развития общества является сам капитал, как общественное отношение. И чем более возрастает общественное богатство, собственником которого выступает государство, и, соответственно обеднение наемных работников, тем ощутимее данный предел. Стремясь свести потребности наемного работника к самому необходимому, монопольный капитал, тем самым, ограничивает развитие его человеческих качеств, что сдерживает развитие и всего общества. Государство, как представитель монопольного капитала, заинтересовано в развитии производительных сил лишь настолько, насколько это увеличивает прибавочное время, то есть прибыль, но ни как не с целью развития индивидуума и всего общества.

При всем том, что по восхвалению общества монопольного капитала занимается целая армия наемных идеологов, им так и не удалось доказать, что мы имеем общество более высокой формации, чем основанное на частнокапиталистическом производстве. Ведь главный аргумент кроется в производстве, и если общественная формация не создает условий, для более высокой производительности труда, то хоть тысячи томов испиши, а доказать не удастся. Производительность труда является основным показателем уровня развития экономики, и общества в целом.

В настоящее время, в связи с экономическим кризисом, трудно найти экономиста или публициста, который бы не говорил о производительности труда, о необходимости интенсификации производства. Но не менее трудно найти экономиста, который бы правильно определил причины не заинтересованности производства, в росте производительности труда и интенсификации. Ищут везде, только не там, где нужно. «Беды в том, что мы толком не знаем, что такое интенсификация, не знаем или не хотим знать, что интенсификация – это делать все быстрее, качественнее, дешевле» – заявляет главный редактор газеты «Правда» В. Афанасьев. Все прочитали и твердо себе вбили в голову, что такое интенсификация, но ничего не изменилось. Насколько нужно быть наивным, чтобы предполагать, что не знание каких-то понятий может стать причиной не восприятия производством научно-технического прогресса. В действительности причина кроется в капиталистическом способе производства, при всеохватывающей собственности государства на средства производства. Рост производительности труда, то есть сокращение издержек производства на единицу продукции, влечет за собой увеличение массы средств производства, а при данных отношениях – их стоимости, что, в свою очередь, ведет к снижению фондоотдачи, которая и определяет прибыльность производства. Это и стало головной болью для государственных чиновников и экономистов. Вот что отмечал академик В. А. Трапезников, в книге «Правд» против «вала»: ...при росте фондовооруженности произошло снижение фондоотдачи. С 1958 по 1980 год она упала с 0,48 до 0,31. Отдача новых фондов в 1958 году была 0,58, в 1980 году стала 0,16».

Для ясности изложения вернемся к привычным, для читателей, понятиям. Фондоотдача – это ничто иное, как норма прибыли на капитал, которая есть отношение живого труда, той его части, которая составляет прибавочную стоимость, ко всему затраченному капиталу. Хотя фондоотдача и норма прибыли исчисляются одинаково, тем не менее, наши экономисты считают, что, изменив название, они тем самым изменяют сущность.

Если, в условиях частных капиталов, норма прибыли имеет тенденцию к понижению, как результат роста накопленного труда (постоянного капитала), по отношению к живому труду (переменному капиталу), то при монопольном капитале, норма прибыли, или как ее называют наши экономисты – фондоотдача, прямо падает, так как, в условиях монопольного капитала, отсутствуют противодействующие причины.

В своем стремлении получить наибольшую прибыль отдельный капиталист снижает издержки производства на единицу продукции, а тем самым удешевляет и средства производства. При монопольном же капитале происходит постоянно удорожание средств производства, в виде накручивания вала. «Машины для литья под давлением за последние десять лет вздорожали в два с лишним раза, а производительность их не только не повысилась, но даже снизилась. Выпускавшиеся в прошлом десятилетии машины модели 515 более производительны, чем выпускаемые сейчас машины того же типоразмера модели 71107. Цена старой машины 9 тысяч рублей, новой – 18 тысяч рублей. Аналогичная картина наблюдается с агрегатными станками Харьковского завода, прессами многих моделей». А. З. Юдицкий, «Правда» против «вала», стр. 52. «Цех режущих инструментов ежемесячно изготавливает сотни протяжек. Как правило, они цельные, из дорогостоящего металла. После механической обработки примерно 50% металла уходит в стружку. Между тем многие виды протяжек (особенно плоские) можно изготавливать клееным вариантом. В этом случае дорогостоящий металл потребуется только на режущие зубья, а корпус делается из конструкционной стали.

Тогда на изготовление плоской протяжки потребуется только 10 – 15% дорогостоящего металла, и экономия его только на ВАЗе составит многие тонны, а трудозатраты останутся примерно прежние.

Но когда дело доходит до внедрения новой технологии, то появляется столько причин и «крючков», что решить этот вопрос не так-то и просто». Н. П. Пьянков, «Правда» против «вала», стр. 50. «Выпуск машиностроительной продукции за десять лет в денежном выражении увеличился в 2,6 раза, а в натуральном выражении рост составил: грузовых автомобилей – 50%, тракторов – 20,9%, кузнечно-прессового оборудования – 38,5%, металлорежущих станков – 6,9, металлургического оборудования – 11,?%». «Правда» против «вала», стр. 223. Естественно, что это удорожание постоянного капитала ведет к понижению нормы прибыли (фондоотдачи). Хотя и при монопольном капитале существуют некоторые факторы, сдерживающие понижение нормы прибыли, без которых его существование продолжалось бы гораздо меньше времени, в истории человечества. Во-первых, это повышение степени эксплуатации, посредством дополнительных рабочих дней, как черные субботы, и повышение интенсивности труда. Во-вторых, монопольной заработной платой, то есть незначительной стоимостью переменного капитала. Все эти сдерживающие факторы основываются на ухудшении положения наемных работников. Ради повышения нормы прибыли (фондоотдачи) государство понижает жизненный уровень наемных работников, а идеологически преподносит это, как создание не потребительского общества.

Государство, как монопольный капиталист, стремясь сохранить массу прибыли, то есть сдержать падение нормы прибыли (фондоотдачи), привлекает в производство как можно большую массу живого труда, при не значительном накопленном труде. И чем больше задействовано рабочих рук, тем выше норма прибыли. Это, в свою очередь, вынуждает государственного чиновника препятствовать росту средств производства, а значит и производительности труда. Только после того, как открытия или изобретения завоюют производство во всем мире, они начинают внедряться при монопольном капитале.

Не заинтересован, в росте производительности труда, и рабочий, вынужденный работать за заработную плату. «А главная причина в том, что участок, цех, внедривший „новшество“, добившийся успехов в повышении эффективности производства, не только не станет передовым, а, наоборот, из передовых попадет в разряд неуспевающих, а люди недополучат определенное вознаграждение». Н. П. Пьянков инженер-технолог Волжского автозавода, «Правда» против «вала», ст. 51.

В таком же положении оказывается и ученый, оплачиваемый в зависимости от звания или должности, а не от эффекта, получаемого в результате его открытий и изобретений, внедренных в производство. К тому же, между наукой и производством стоит посредник, в лице чиновника, который и распоряжается наукой и производством, исходя из своих интересов. В таких условиях общество не может использовать имеющиеся интеллектуальные и производственные мощности, для своего развития. Именно, поэтому, имея огромную «армию» ученых и чиновников, занимающихся наукой, а так же множество организаций, которые просто обязаны внедрять новые технологии, мы отстаем по производительности труда, по совершенству и качеству технологий и продукции. Все эти особенности в еще большей степени способствуют экономическому загниванию монопольного капитала.

Хозяева монопольного капитала, пытаясь вырваться из затяжного кризиса, стремятся копировать некоторые особенности частнокапиталистического производства. Например, выпуск ценных бумаг, то есть государственные облигации, всякого рода акции. Это могло бы дать какие-то положительные результаты, если бы наша экономика испытывала острую нехватку денежного капитала, но мы наблюдаем обратное. «Деньги мы имеем, а вот с обеспечением цементом, металлом, трубами, стеклом – дела, прямо скажу, напряженные». Е. И. Быстров, зам. председателя Моссовета «Москва» №1 1989г. « При существующем же положении наличие денежных средств мало что дает: чтобы пустить их в дело, нужно иметь лимиты на ресурсы, включится в титульный список строящихся объектов, попасть в план подрядных работ и т. п.» «Политическая экономия» Учебник для вузов 1989 г. с. 599. Как видим прогресс в понимании ситуации происходит и в научной среде, правда, пока на уровне констатации фактов. Но и это можно признать успехом, так как совсем не давно, они отрицали и явные факты, если они не укладывались в их прокрустово ложе. Теперь им осталось еще чуть-чуть; признать, что мы имеем капиталистический способ производства, при всеохватывающей государственной собственности, а это значит, что и два мира денег. Эти два мира денег обслуживают обмен между государством, как собственником всех средств производства, и наемными работниками, как собственниками своей рабочей силы, а безналичные всего лишь счетные деньги, существующие идеально, и служат для учета перетекающих средств производства, в рамках единого собственника. Поэтому средства производства не продаются, а распределяются по фондам. А раз наличные и безналичные деньги не переходят одни в другие, то становится вполне ясно, что привлечение дополнительных наличных денег никак не отразится на производстве. Попытку государства монополиста наладить торговлю ценными бумагами нужно, скорее всего, рассматривать, как желание урегулировать сложившийся дисбаланс между количеством жизненных средств и массой наличных денег.

Большого оптимиста и мошенника, чем наше государство трудно найти. Экономика разваливается, кризис углубляется, а оно продает акции под будущее развитие. Но еще глупее поступают те, кто покупает эти акции у государства без будущего. Здесь нужно отметить, что мошенничает оно не из-за незнания, а из стремления получить обратно наличные рубли.

Единственно, что в этой ситуации не пострадает, и даже увеличат свой капитал чиновники, так как процентная ставка и выплаты будут осуществляться ими, а не складываться в результате свободного обращения акций.

12

Для понимания существующих общественных отношений необходимо уяснить вопрос о товарно-денежных отношениях, в условиях всеохватывающей государственной собственности. И начну я его с высказывания М. С. Горбачева: «Товарно-денежные отношения при социализме существуют». Это высказывание было произнесено с такой силой и сознанием дела, тем более что произносилось перед партийными деятелями, а это равносильно тому, если бы какой-нибудь кардинал заявил папе, что бога нет, и можно было бы подумать о революционном прорыве в понимании мира. Но людям, серьезно задумывающимся над существующими отношениями, это все напоминало лепет недоросли. Неисправимые путаники и эклектики верны своему принципу – соединять несоединимое, стремясь, все смешать в кучу, чтобы выглядеть умником, при отсутствии мысли вообще.

Данное заклинание сразу отозвалось, многократным эхом, в устах чиновной армии и их наемных идеологов. И это естественно, так как им за это и платят. Они не утруждают свои головы размышлениями над возникающими явлениями. Все, что изрек вышестоящий руководитель, является неоспоримой истиной – вот тот негласный закон бюрократического аппарата, заставляющий чиновников разыгрывать роль умных попугаев.

«Товарно-денежные отношения существуют...» – с этой частью горбачевского утверждения можно согласится. Но не будем уподобляться чеховскому Ипполит Ипполитычу, говорящему на каждом шагу прописные истины, и попытаемся вскрыть причины существования в нашем обществе товарно-денежных отношений.

Необходимым условием, для того чтобы производимые продукты принимали форму товара, является наличие независимых товаровладельцев, вступающих в обмен. Если произведенные потребительные стоимости принимают форму товара, то это значит, что труд отдельного производителя не является непосредственно общественным. Общественным он становится, принимая противоположную форму абстрактной всеобщности, форму меновой стоимости. Эта общественная форма и проявляется в обмене. Специфика данного превращения, в условиях монопольного капитала, заключается в том, что здесь имеются только два независимых собственника, товаровладельца – это государство, как собственник всех средств производства и производимых на них жизненных средств, и наемные работники, как собственники своей рабочей силы. Отличительной особенностью данной системы отношений является отсутствие множества товаровладельцев, которые бы приобретали не только рабочую силу, но и средства производства, а также обменивались между собой. Здесь покупатель рабочей силы один – государство. В обмене между государством, являющимся собственником потребительных стоимостей, отчуждаемых у рабочих за заработную плату, и рабочими, как собственниками рабочей силы, потребительная стоимость и принимает форму товара. Раз в обмен вступают только жизненные средства и рабочая сила, то только они и принимают форму товара. Средства же производства, переходя с одного предприятия на другое не меняют собственника, а поэтому товаром и не становятся. Государство не может торговать с самим собой, поэтому и происходит накручивание «вала», то есть увеличение абстрактной стоимости. У государства средства производства всегда имеются в наличии, и государству необходимо купить только рабочую силу, чтобы запустить процесс производства.

При данном способе производства конкретный труд не может стать непосредственно общественным, а все члены общества обладать равными правами. Здесь равенство – есть равенство непосредственных производителей перед государством, но нет и не может существовать равенства между наемными работниками и представителями монопольного капитала. Труд по-прежнему принимает форму меновой стоимости, и продолжительность труда является мерой, а стоимость рабочей силы определяется количеством жизненных средств необходимых для ее воспроизводства. Наемные работники работают на государство, как всеобщего капиталиста, а не на себя, как их пытаются в этом убедить. Мертвый труд продолжает господствовать над живыми людьми, а не люди управляют процессом производства. На первый взгляд создается видимость, что государство управляет производством в интересах всего общества, но развал экономики, накручивание «вала», пустые магазины, инфляция и другие негативные явления показывают, что государство подчиняется законам развития монопольного капитала.

Одной из отличительных особенностей общества, с господствующим монопольным капиталом, является то, что представители власти стоят как бы над процессами. Представители монопольного капитала, всем своим поведением показывают, что вы работаете на государство, на самовозрастание монопольного капитала, а мы и есть государство. Это происходит по тому, что товаром становится только часть производимых продуктов, а денежное обращение обслуживает только обмен между государством и наемными работниками. В этом случае деньги, как кристаллизованная меновая стоимость, утрачивают свою беспредельную власть, и еще большей властью начинают обладать хозяева монопольного капитала, то есть государственные чиновники и их идеологи.

«Все мое», – сказала злато;

«Все мое», – сказал булат.

«Все куплю», – сказала злато;

«Все возьму», – сказал булат.

В результате должность, в государственном аппарате, обрела свою стоимость. Торговля государственными должностями, как это показали события в Узбекистане, да и не только в Узбекистане, приняла распространенные формы. От беспредельной власти денег перешли к беспредельной власти государственных чиновников. В этой разнице, между обществом с множеством частных капиталов и монопольным, государственные идеологи и увидели проявление более высокого уровня развития, более высокого сознания и проявление духа. Преклонение перед неограниченной властью государственного чиновника, возведение его в божество, эти деятели взяли за основу, для критики общества без святых, где поклоняются только золотому тельцу.

Вообще, всю историю развития человеческого общества, можно рассматривать, как непрерывное движение от личной зависимости к вещной зависимости. Для отдельной личности, товарный фетишизм гораздо предпочтительней вассальной зависимости, так как отдельный индивидуум получает больше свободы и меньше зависит от произвола другого индивидуума.

Государство, вышедшее из-под контроля общества и ставшее над ним, стало не просто органом, регулирующим общественную жизнь, в интересах господствующего класса, а само

начинает господствовать, как всеобщий капиталист. При данных общественных отношениях рабочие остаются в положении наемных рабов, которых эксплуатируют еще более беспринципно. Наличные деньги, в этих условиях, возникают из обмена между государством и наемными работниками. В этом узком спектре и существуют товарно-денежные отношения.

Вернемся же к высказыванию Горбачева, обозначившему поворот в движении монопольного капитала от всеобщего огосударствления к частичному возрождению частного капитала. Именно на этом пути монопольный капитал видит свою перспективу. А хозяевам монопольного капитала кажется, что они контролируют процессы в обществе и управляют ими, и совсем не догадываются, что они всего лишь следуют законам движения монопольного капитала. Да, товарно-денежные отношения, в описываемой нами системе, действительно существуют, но можно ли назвать эту систему социалистической? Если это рай, куда так рьяно зазывали коммунисты, то нам не надо такого рая. И совсем нет необходимости пристегивать ко всякой несурзаце слово – социалистический, ведь это не заклинание, а всего лишь определенное понятие. Социалистические отношения могут существовать только на основе общественной собственности, когда каждый может использовать средства производства в своих планах, а не по указке государства, и получать за свой труд, а не стоимость рабочей силы, да еще сведенной к самому необходимому. То же, что существующая у нас собственность на средства производства не является общественной стало банальной истиной и признается даже теми, кто совсем не давно утверждал обратное. А значит и вся система не является социалистической.

Из данного анализа товарно-денежных отношений становится понятна сущность и истоки концепции перехода к регулируемой рыночной экономике, предложенной правительством. Попытки хозяев монопольного капитала выйти из кризиса путем развития торговли средствами производства, при сохранении всеохватывающей государственной собственности, и привели к гиперинфляции, к несоответствию наличной денежной массы товарам индивидуального потребления. «Потребительский рынок по-прежнему пуст, разбалансированность экономики усиливается, несоответствие денежной массы, в наличном и безналичном оборотах, товарным ресурсам накапливается, как снежный ком». Доклад Н. И. Рыжкова на третьей сессии Верховного Совета СССР. «Мы взяли за демонтаж командной системы, не подкрепив это введением соответствующего нового инструментария. Демонтаж в основном коснулся оборота и использования денежных ресурсов, А материальные потоки ресурсов остаются еще во власти жестокого государственного регулирования. Этот разрыв и является причиной разбалансированности экономики». Академик С. А. Ситарян, «Правда» 6 ноября 1989 г. Академик даже не предполагает, что причины не в инструментарии, а в государственной монополии на средства производства. А произошло это по тому, что в условиях всеохватывающей собственности существует две денежные системы: наличные деньги, которые обслуживают обмен между государством и наемными работниками, и безналичные, которые являются идеальными, счетными. Торговля средствами производства, без изменения отношений собственности, не могла не привести к другому результату, так как смешались два мира денег.

Совершив ошибку, которая сразу же вылилась в обесценение рубля и исчезновение товаров с прилавков магазинов, власть кинулась ее исправлять. Сначала правительство попыталось ограничить рост заработной платы наемных работников. Постановление Совета Министров за №762 от 21, 09.1989 г. «О порядке и льготах по налоговому регулированию фонда оплаты труда государственных предприятий». А когда стало ясно, что это не дает желаемых результатов, то они отпустили цены на жизненные средства, чтобы наличная денежная масса сама уравнилась с товарными ресурсами. Все как всегда. Сначала власть делает определенные шаги, а затем наемным работникам приходится расплачиваться за их безмозглость. Непонимание

существующих общественных отношений и привычка все решать административными методами, только усугубило ситуацию в стране.

Как видим, закон стоимости продолжает играть определяющую роль и в обществе с монопольным капиталом. И как бы произвольно не устанавливались цены, сумма всех цен неизбежно сводится к сумме всех стоимостей. Диктат же государственных интересов в ценообразовании приводит к диспропорции в производстве, способствует производству бесполезной продукции, омертвлению общественных богатств и разбазариванию живого труда.

13

Самым любимым коньком, на котором постоянно гарцуют защитники монопольного капитала – это плановость производства, как одного из преимуществ социализма. Но что здесь социалистического? Государство, являясь всеохватывающим собственником, как и всякий другой собственник, планирует производство, в стремлении к увеличению стоимости. Такое же планирование мы наблюдаем и внутри капиталистического предприятия. На каждом предприятии царит плановость, точный расчет, в использовании средств производства и купленной рабочей силы. Так что же здесь социалистического? Отсутствие кризисов? Но отсутствуют и подъемы. А кризис является необходимым условием развития экономики, так как только в периоды кризисов происходит обесценение средств производства, только в периоды кризисов внедряются новые технологии и машины. Кризис – это процесс обновления устаревшего производства.

В данных условиях государство, как собственник, подчиняется неписаному правилу любого собственника: худо-бедно, но необходимо планомерно использовать принадлежащие тебе средства. Для этого государственные чиновники и составляют различные планы: годовые, пятилетние, перспективные и так далее. Поэтому, несмотря на вереницы пышных заявлений о самостоятельности предприятий, которым все уже давно потеряли счет, государство, как собственник этих самых предприятий, не может не делать главный упор на планомерном использовании принадлежащих ему средств, не может не ставить перед своими нижестоящими инстанциями главное требование – выполнение плана. Только этот план – есть план по самовозрастанию капитала, а не план ассоциированных производителей, по рациональному использованию имеющихся в их распоряжении средств и времени. Не всякое планирование является социалистическим, как не всякая рыба – пескарем. И если государство, как выразитель интересов монопольного капитала, планирует свою прибыль в масштабах всего общества, то это совсем не означает, что оно планирует в интересах этого общества. И беда не в планировании вообще, как это пытаются представить некоторые публицисты, мнящие себя революционерами, а в сущности плана. В том, что государство, как собственник всех средств производства, планирует исходя из своих интересов, а наемному работнику, в этих планах, отводится роль бессловесного исполнителя воли государственного чиновника.

Стремление же государства получить как можно большую прибыль и является одной из причин экономического загнивания, а так же причиной дефицита товаров. Отчуждая продукты труда и распределяя их, государство рассматривает потребности граждан, как средство удовлетворения своих потребностей, а не как поступательное развитие всего общества. Отдельный интерес завязан не непосредственно на производство, а через государственного чиновника, что обеспечивает хроническое отставание предложения от спроса. «В этих условиях плановым работникам и хозяйственникам всех уровней управления необходимо учитывать тенденции развития спроса, влияния на него изменений розничных цен и тарифов, уметь использовать стимулирующее воздействие цен на улучшение ассортимента и качества това-

ров и услуг, рационализацию структуры личного потребления». «Плановое ценообразование» 1986 г. Ю. В. Яковец, стр. 5. Данная цитата является ярким образцом пустозвонства, благих пожеланий и лженауки. Да и вся книга Яковца состоит именно из таких наборов никчемных фраз и определений. Это больше походит на инструкцию помещику или рабовладельцу, что он должен быть заботливым и внимательным к своим рабам.

Отдельный капиталист также безразлично относится к производимому продукту, но он твердо знает, что получит прибыль, он может, только производя продукты, пользующиеся спросом и отвечающие потребностям покупателя, и то, что он не один. Монопольный же капитал, совмещивший в себе все виды капитала, ориентируется непосредственно на прибыль, и ему совсем не обязательно беспокоиться о качестве и спросе. Производимая на государственных предприятиях продукция распределяется по плану, а потери включаются в стоимость реализуемой продукции. Граждане же, не имея возможности выбирать, вынуждены потреблять то, что навязывается государственной торговлей. Дефицит товаров повседневного спроса является не случайным или временным фактором, а качественная характеристика государства с монопольным капиталом. Во-первых, государство не стремится получить обратно, розданные наемным работникам свои обязательства, в виде наличных рублей. Во-вторых, его задача состоит в том, чтобы произвести как можно больше материальных ценностей в виде средств производства, которые и остаются в его собственности. В-третьих, это косность и неповоротливость государственного аппарата. В-четвертых, государство всегда найдет способ вернуть себе наличные рубли, а при желании и обесценить. В крайнем случае, государство купит жизненные средства на мировом рынке и продаст их своим наемным работникам, да еще получит на этом тысячу процентов прибыли. Таких примеров множество, когда не дорогие импортные товары продавались внутри страны во много раз дороже. Оценивая эту ситуацию можно понять глубину лживости и лицемерности нашего государства. Объявляя себя непримиримым борцом со спекуляцией, изуродовав, в этой борьбе, не одну душу и изломав не одну жизнь, оно само занимается спекулятивными сделками, выкачивая наличные рубли из карманов беспечных граждан.

Но для того чтобы иметь возможность покупать необходимо, в свою очередь, что-то продавать. И если внутри страны государство навязывает гражданам производимые товары, то на мировом рынке оно лишено такого блага. Поэтому, не имея конкурентно способных товаров, оно продает природные богатства: лес, нефть, газ, драгоценные металлы, меха и так далее. Современное монопольное государство оказалось в положении Испании семнадцатого века, которая, доставляя золото из Америки, и, приобретая на него продукты производства европейских государств, способствовала их экономическому развитию и не давала возможности развиваться своей стране.

14

Государство, являясь всеобщим монополистом, присвоило себе и право торговать деньгами. Кровопиец ростовщик, проклинаемый во все века, исчез, как отдельное лицо, и возродился в облике государства. Ссужая деньги наемным работникам, государство покупает их на более длительный период времени. Выделение же денег на ведение промышленного производства не является кредитом, так как кредитные отношения могут существовать только между независимыми собственниками. Это подтверждается и тем, что госпредприятие не выплачивающее «кредит» продолжает спокойно работать, а оплата «кредита» отсрочивается или списывается.

Являясь всеохватывающим собственником средств производства, государство монополизировало не только свойства капитала, но так же науку и культуру, и противопоставило их наемным работникам. В отношениях с представителями науки и культуры государство выставляет себя выразителем интересов наемных работников, и от их имени принуждает проводить свою идеологию и определяет направление развития науки. В тоже время наемные работники используются лишь как рабочая сила, для оживления мертвого труда и создания прибавочного продукта, и не существуют, для государства, как люди с определенной культурой и мировоззрением. Поэтому на медицину, на образование, на социальную сферу, на меры безопасности, на охрану окружающей среды, государство отпускает столько средств, сколько это необходимо для обеспечения производства здоровой и достаточно грамотной рабочей силой.

«Жизнь наша, повседневная действительность в сто сотый раз убеждает: разглагольствование о человеке – всего лишь пустопорожние, громкие, ласкающие обывательское ухо слова. Слова и слова. От них до живых практических дел – дистанция невероятно длинная, конца которой, во всяком случае, в Тюмени, не предвидится. Здесь человек лишь средство для выжимания из недр беззащитной и безответной природы миллиардов тонн нефти и триллионов кубометров газа. Те, у кого в руках реальная власть, ресурсы, резервы, те, кто определяет стратегию и тактику освоения природных богатств тюменского севера, те видят в первопроходце, нефтянике, геологе, строителе, газовике – только работа! Безответного. Бессловесного робота, у которого вся жизнь, короткая ли, долгая ли, но вся посвящена и отдана одному – работе на износ. А чтобы, робот, не дай бог, не приметил чего-нибудь недоброго вокруг себя и в себе, не задумался, не задался вопросами – „почему?“ да „зачем?“ его изнуряют непосильным трудом, оглушают водкой, зашоривают глаза и затыкают рот червонцами». К. Лагунов «Наш современник» №5 1989 г.

Экономия на средствах защиты труда в производстве является скрытой войной, которую ведет государство против своего народа. «В нашей стране бытовой травматизм уверенно стоит на первом месте среди всех его видов. В целом в 1988 году в различных отраслях промышленности пострадало 668 тысяч человек, из них 14400 человек погибло. Медицина вынуждена ежегодно утверждать инвалидами труда более 20 тысяч человек». «Вечерний Свердловск» 22 сентября 1990 г. «Спуститесь из космоса к реалиям земным». Но эта экономия оборачивается еще большими потерями из-за множества аварий и катастроф. «Ежегодный прямой ущерб от тяжелого и смертельного травматизма превышает 4,5 млрд. рублей. За потерю здоровья только из-за плохих условий труда компенсации работникам уже достигают 30 млрд. рублей в год. А стоимость недоданной продукции, в результате выхода из строя оборудования, потери человека на рабочем месте – более 10 млрд. рублей ежегодно!» «Вечерний Свердловск» 22 сентября 1990 г. И если при частном капитале у наемного работника есть возможность выбирать из того, что есть, он может перейти к другому капиталисту, то в условиях монопольного капитала он вынужден соглашаться с тем, что ему предоставят. Поэтому частный капитал, по сравнению с монопольным, в обращении с рабочими, выглядит святым.

Интерес монопольного капитала к самовозрастанию, к увеличению своей стоимости, который проявляется, в том числе и через ухудшение условий труда и жизни наемных рабочих, осуществляется через деятельность государственного чиновника. Здесь господство государственного чиновника над наемным работником – есть результат господства мертвого труда над живым. Поэтому, если существующий государственный аппарат по своей природе, как выразитель интересов монопольного капитала, является космополитом, то есть ему нет разницы в том, кто на него работает, то его чиновник не может быть сторонником национальной культуры. Но именно чиновник считает себя истинным выразителем интересов народа, а тех, кто высту-

пает против чиновничьего космополитизма изменниками народа. Стремясь сохранить свою беспредельную власть над людьми, он подавляет национальные культуры, уничтожает культурное достояние народа, лишает человека его корней, а в замен навязывает без духовный космополитизм. Истинный интернационализм, суть которого заключается в единении различных национальных культур, без подавления одной, заменяется на чуждый космополитизм. Существующая власть не является совокупным представителем различных народов и их культур, а есть организованное господство монопольного капитала, в лице государственного и партийного аппарата. Поэтому и рушатся архитектурные памятники, гниют в подвалах ценные книги и картины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.